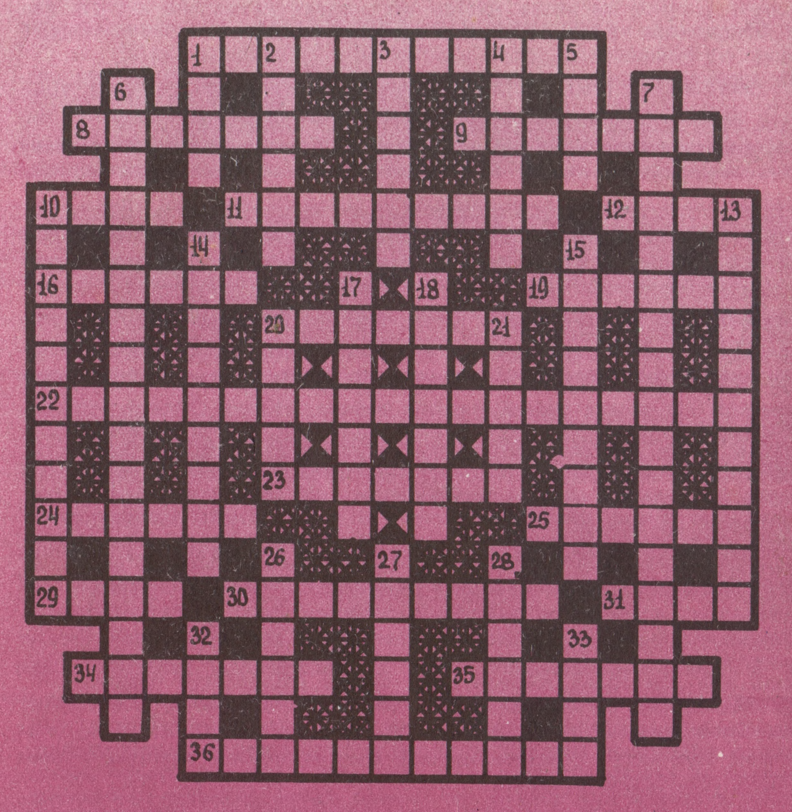
23-1514

Цена 15 коп. Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали. **1.** Дисциплина, изучающая исторические акты, юридические документы. **8.** Небольшая группа, наблюдающая за порядком, безопасностью. **9.** Национальный шотландский музыкальный инструмент. **10.** Словесное состязание. **11.** Советский писатель-сатирик. **12.** Химический элемент. **16.** Город в Азербайджане. **19.** Сравнительный итог прихода и расхода. **20.** Музыкант. **22.** Наука, изучающая резервные возможности человека. **23.** Изгородь вокруг селения. **24.** Летчик-космонавт СССР. **25.** Машина для обработки зерна. **29.** Газ, основной элемент воздуха. **30.** Электрический выключатель. **31.** Места в зрительном зале. **34.** Механизм управления самолетом, судном. **35.** Прием игры на музыкальных инструментах. **36.** Высочайшая вершина мира.

По вертикали. **1.** Литературный язык персов и таджиков IX—XVI вв. **2.** Отходы при молотьбе. **3.** Млекопитающее семейства куньих. **4.** Тонкая, скрытая насмешка. **5.** Поэт-импровизатор, исполнитель собственных произведений у народов Средней Азии. **6.** Независимость. **7.** Несоответствие общепринятым нормам. **10.** Крупные спортивные соревнования. **13.** Поперечная разрезка ствола дерева. **14.** Прибор для измерения очень коротких интервалов времени. **15.** Единица длины, применяемая в морской практике. **17.** Бег на самую длинную дистанцию. **18.** Советский шахматист, международный гроссмейстер. **20.** Высокогорное озеро в Боливии. **21.** Рассказ М. Горького. **26.** Африканская птица с очень ярким оперением. **27.** Часть речи. **28.** Соединительная деталь трубопроводов. **32.** Атмосферные осадки. **33.** В средние века становище кочевников, ставка правителя.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42.

ISSN—0234—1824

ГОРИЗОНТ

10·89 Общественно-политический ежемесячник

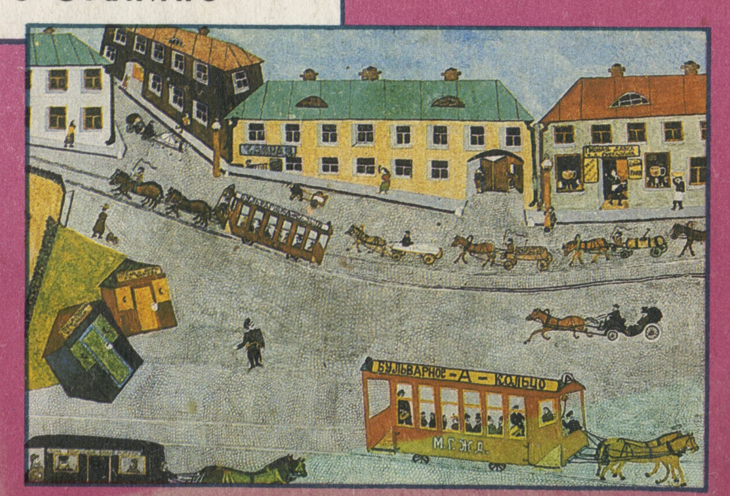
Александр Смирнов
ПАРТИЙНАЯ ДИСКУССИЯ! ДА, ДИСКУССИЯ!

Интервью с социологом Владимиром ЯДОВЫМ

«ЧЕРНАЯ КНИГА»: жизнь и судьба

Шод Муладжанов
«ПРОГРЕСС» — ЛЕКАРСТВО ИЛИ ПРИПАРКИ?

Глава из книги Александра Орлова о Сталине

Художник Иван Никифоров

Важно, чтобы у нас в обществе было хорошо понято, что нетерпимость, обращение к силе — не метод решения проблем. Таким путем можно только, напротив, отодвинуть решение любого вопроса на неопределенный срок, осложнить его. В условиях демократического и правового государства, к которому мы стремимся, не может и не должно быть иного способа политического действия, как опора на закон, стремление решать любые вопросы прежде всего путем достижения согласия.

Из речи Председателя
Верховного Совета СССР
М. С. ГОРБАЧЕВА
при открытии второй сессии
Верховного Совета СССР.
25 сентября 1989 года

10 (467) •89 ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

СОДЕРЖАНИЕ

На вкладках: художник Иван Никифоров

Сдано в набор 30.08.89. Подписано к печати 04.10.89. Л22636. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 5,93. Тираж 100 000 экз. Заказ 140.
Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г $\frac{0302030800-200}{М172(03)-89}$ Без объявл.

Александр Смирнов

ПАРТИЙНАЯ ДИСКУССИЯ? ДА, ДИСКУССИЯ!

В субботу 26 июня текущего года в газете «Московская правда» было опубликовано решение пленума МГК КПСС. Несмотря на то что его название, повторившее повестку дня, звучало довольно просто: «О работе Московской городской парторганизации в современных условиях», оно привлекло внимание москвичей, так же как и телевизионный рассказ о пленуме, впервые так полно показанный по видеоканалу «Добрый вечер, Москва».

Психология восприятия у человека такова, что всегда в первую очередь в тексте он обращает внимание на незнакомое, непривычное. Таким неожиданным для читателя стало решение о проведении общегородской дискуссии о роли и месте партии в условиях обновляемой политической системы, развитии внутрипартийной демократии.

Действительно, решение необычное. Ведь уже более 60 лет в партии официальных дискуссий не проводилось. В условиях, когда административно-командные методы руководства все больше укоренялись в деятельности партийных органов, широкий обмен мнениями, приобщение к обсуждению проблем масс коммунистов оказывались ненужными элементами принятия решений.

И вот дискуссия в условиях перестройки. Решение вызвало первоначально различную реакцию. Часть коммунистов восприняла его в штыки. Они заявили о том, что в сложившихся условиях надо работать, а не дискутировать. Свою позицию они пытались даже подкрепить фразой В. И. Ленина: «Мы — не дискуссионный клуб», хотя на том же X съезде партии, где были сказаны эти слова, Владимир Ильич неоднократно говорил о возможности и даже необходимости дискуссий.

Другая часть коммунистов обратила внимание не на содержание дискуссии, а на форму. Они посчитали, что намечаемый разговор нужен для выплескивания эмоций тех, кто недоволен темпами обновления партии.

Думается, что разнообразное отношение к дискуссии — дополнительный довод в пользу ее проведения.

Вопрос, как проводить дискуссию, оказался не самым простым. Исторические аналоги — формирование платформы, а затем ее обсуждение — вряд ли применимы сегодня. Путь сверху вниз во многом исчерпал себя. Подобное движение, как правило, довольно быстро приводило к внешнему одобрению, а не к биению мысли. Сегодня опыт масс, нетрадиционный подход к жизненно значимым проблемам должны быть в центре дискуссии. Да и политизация сознания людей, коммунистов, их демократический порыв не позволят диктовать вопросы из «центра».

Партия в условиях обновления общества — тема серьезного разговора, где нет простых ответов.

А. И. Смирнов — заведующий идеологическим отделом МГК КПСС, кандидат философских наук.

Четвертый год перестройки выявил тревожное явление — темпы развития партии стали отставать от темпов общественных преобразований.

Эта тенденция не могла не отразиться в общественном сознании. По данным опроса, проведенного учеными Института социологии АН СССР, 69% москвичей отметили, что авторитет партии в последний год начал падать. Цифра впечатляющая, особенно на фоне лишь 4% москвичей, которые заявили о том, что влияние партии усилилось.

Данные социологии подтвердили статистически то, что эмпирически ощущалось в ходе бесед, знакомства с работой партийных организаций. Ведь многие из них никак не могут синхронизировать свою деятельность с динамикой общественных процессов. Бурное развитие уличной митинговой демократии также подтверждение низкой политической температуры в трудовых коллективах, партийных организациях.

Оживить работу партийных организаций, пробудить их от спячки, сделать участниками политических процессов, происходящих в обществе,— такова первая цель развернувшейся дискуссии.

И здесь невольно встает вопрос: а почему все-таки партийные организации стали отставать от процессов обновления? Не претендуя на полноту ответа, хотел бы высказать некоторые соображения.

В начале истории советского общества В. И. Ленин беспокоился о том, что наша партия слишком разрослась. И это было сказано, когда ее численность составляла 600 тысяч человек, а население страны — 120 миллионов. Несложно подсчитать, что партийная прослойка равнялась 0,5%. В Москве сегодня при почти девятимиллионном населении в городской парторганизации состоит на учете 1 миллион 200 тысяч человек. Партийная прослойка более 13%. Конечно, трудно сказать, какое оптимальное соотношение между коммунистами и беспартийными должно быть. Тем более что в разные периоды истории оно не может быть одинаковой величиной. Но приведенные цифры показывают, что городская партийная организация на определенном этапе своего развития перешла количественную грань, за которой произошло качественное ослабление партийных рядов. В партию все больше стали проникать люди, которые пытались решить свои карьерные устремления. Анкетный подход при вступлении в партию привел к проникновению в ее ряды людей, которые не хотели, да и не могли зачастую по уровню своей политической культуры быть представителями передовой части общества. Они несли в партию обывательские взгляды, соглашательские привычки.

Разрастание партийной организации привело к резкому увеличению дистанции между горкомом, райкомами, первичными организациями.

В 20-е годы в Москве каждый шестой член партии сам участвовал в практической реализации линии горкома и райкома. Таким образом, приводные ремни к первичным организациям были достаточно крепкими. Сегодня же даже многие члены выборных органов ограничиваются лишь голосованием на пленумах. Основная работа перекладывается на аппарат. Социальная дистанция между рядовыми коммунистами и райкомами оказывается огромной. Некоторые коммунисты в райкоме были только тогда, когда вступали в партию. Что касается горкома, то многие коммунисты даже не знают, где он находится. К сожалению, это не публицистическое преувеличение, а горький вывод из посещений автором первичных партийных организаций.

На ослаблении боеспособности партийных коллективов сказалась и привычка, воспитанная годами,— ориентироваться исключительно на решения сверху. Если опять обратиться к социологическим исследованиям[1], то они показывают (причем это мнение практически и у коммунистов и у беспартийных совпадает), что партийные организации сформировали своих членов преимущественно как дисциплинированных, ориентированных на выполнение решений вышестоящих органов исполнителей. Из пяти качеств — добросовестное отношение к делу, скромность и порядочность, высокий профессионализм, единство слова и дела, честность, активность в общественной жизни — участники опроса первое назвали как более всего присущее коммунистам, остальные расположились по нисходящим оценкам. То, что последнее качество из названных попало не случайно на это место, подтверждает и такая цифра — 40% респондентов заявили: коммунисты не являются непримиримыми борцами с негативными явлениями, не выдвигают новых интересных идей.

Констатация явлений не означает еще предложения путей преодоления недостатков. Нужны определенные и политические и организационные шаги, чтобы добиться реальных сдвигов в деятельности партийных организаций. Одним из них может стать решение о свободном выходе из партии. Сейчас, судя по данным того же социологического исследования, 9% членов партии хотели бы выйти из нее. Думается, что такое очищение рядов пошло бы на пользу. Конечно, безразличными к судьбе своих товарищей партийные организации быть не могут. И тем, кто принял такое решение под воздействием эмоций, иногда затрудняясь понять противоречивые процессы жизни, сумеют помочь преодолеть минутную слабость. Ну а тех, кто явно тяготится быть в рядах КПСС, вряд ли нужно удерживать.

Что же касается приема новых членов партии, то здесь городской партийной организацией уже взят ориентир исключительно на политическую активность, верность идеалам перестройки, а не на социальную и профессиональную принадлежность вступающего. Хотя десятилетия формального приема в партию дают еще о себе знать.

Серьезная проблема — овладение партийными организациями политическими методами работы. Партийная и хозяйственная деятельность за долгие годы срослись, как сиамские близнецы.

Действительно, передача несвойственных функций Советам на уровне центральных и местных партийных органов, отказ от подмены руководителей производства в первичных партийных организациях оказались процессами далеко не простыми. Годами сформированная привычка советских кадров — по каждому поводу бегать советоваться в горком или райком или у хозяйственных руководителей — обеспечивать свои тылы путем решений парткома, партбюро не исчезнет вдруг. Кстати, и многим партийным функционерам нравилось и продолжает нравиться быть вершителями всех дел. Конечно, командовать легче, чем убеждать. Приказывать проще, чем искать пути воздействия политическими средствами. Но без этой ломки в партийной работе трудно рассчитывать на успех в современных условиях. По существу, речь сегодня идет о том, что каждый партийный коллектив должен найти свое место в деле осуществления перестройки общества. Причем найти это место не в комфортных условиях заранее уготованного лидера, а в упорной

[1] Здесь и далее автор использовал материалы изучения проблем формирования рядов Московской городской партийной организации. Данное исследование проведено весной этого года сотрудниками МВПШ.

политической борьбе. Именно здесь, мне думается, самый сложный психологический момент, который многих коммунистов приводит в смятение. Да, сейчас партия в целом, каждое ее подразделение, если они хотят быть на передовых позициях, возглавлять дело обновления общества (а иной роли партийных организаций мы и не представляем), должны на всех участках деятельности утверждать себя практическими результатами.

Важно выйти за привычный круг проблем, традиционных забот. Партийные организации призваны стать лидерами не только в решении проблем экономических, но и социальных. Речь идет о борьбе за социальную справедливость, защищенность личности. А разве могут сегодня стоять парторганизации в стороне от борьбы с бюрократией, за экологическую чистоту, сохранение исторических памятников?

В пылу дискуссии партии предлагается вообще уйти из сферы экономической и заняться исключительно идеологической деятельностью. Под лозунговой броскостью скрывается (вольно или невольно) предложение лишить партию статуса партии.

Как известно, В. И. Ленин определил три основных функции Коммунистической партии. Первая — идеологическая, под которой он понимал разработку научной идеологии, внесение социалистического сознания в ряды рабочего класса. Вторая — политическая, разработка стратегической линии общественного развития, в том числе и по ключевым экономическим вопросам, принятие политических решений, обеспечивающих реализацию этой линии на практике. Третья — организаторская, мобилизующая коммунистов, а через них широкие массы на выполнение принятых решений. Эти функции характеризуют партию и сегодня, хотя и требуют современной трактовки.

Необходимое условие политизации партийной работы — демократизация внутрипартийной жизни. Нам предстоит на деле осуществить ленинское правило: «Все дела в партии ведут все члены партии, на равных правах и без всякого исключения».

Дискуссия призвана помочь сформулировать предложения по изменению Устава партии. Речь идет о широком круге вопросов. О современном взгляде на принцип демократического централизма, который наряду с обеспечением партийной дисциплины, подчинения меньшинства большинству, обязательностью решений вышестоящих органов для нижестоящих и т. д. обеспечивал бы социалистический плюрализм мнений, возможность дискуссий по актуальным проблемам общественного развития. По-новому должна решаться проблема выборности, отчетности, сменяемости партийных кадров. Значительно должны расширить-ся самостоятельность, самоуправление партийных организаций, а также круг вопросов, по которым ее решения должны стать окончательными.

Эти и другие вопросы требуют серьезного коллективного совета коммунистов. Острых споров и столкновений мнений. Спешка здесь может обернуться односторонними, половинчатыми решениями, которые не будут способствовать подлинной демократизации партии. Поэтому, думается, предложения о проведении внеочередного или чрезвычайного съезда партии сегодня вряд ли могут быть реализованы. Тем более что выработанное коллективное мнение о проведении XXVIII съезда КПСС осенью 1990 года требует от партийных организаций сосредоточения на практической подготовке к партийному форуму.

Наметились два этапа дискуссии. Первый — до декабря текущего года. В ходе его будут сформулированы на основе предложений от первичных партийных организаций основные положения платформы

коммунистов столицы. Они будут обсуждаться на пленуме МГК КПСС. На втором этапе — до съезда партии — эта платформа будет обсуждаться в городе и, несомненно, будет дополнена политическим опытом коммунистов и беспартийных москвичей.

Рассмотреть вопросы внутреннего переустройства партии в отрыве от анализа идей обновления общества, идеалов социализма невозможно. По существу, в каждой организации сегодня спрашивают: как можно охарактеризовать состояние нашего общества сегодня, какой социализм мы строим, каковы пути достижения нового качественного уровня развития страны? Вопросы вдвойне сложные на фоне разнохарактерности литературы по этим проблемам. Старая привычка — дать однозначный ответ — тяготеет над многими коммунистами. Есть большое внутреннее желание получить опять сверху готовую формулу. Ее сейчас нет. Но зато идет поиск. Очерченные исходные позиции в характеристике обновляемого общества, предложенные в выступлениях М. С. Горбачева, особенно на совещании первых секретарей компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, и проблемные статьи в «Правде» будят мысль, настраивают ее на творческий поиск. Теория в революционное время — удел не только обществоведов, но и практиков. Без этого движения снизу может вновь возобладать дуализм концептуальных построений и жизни.

Дискуссия, развернувшаяся в городской партийной организации, стала частью общественно-политического диалога с различными категориями и социальными группами жителей столицы. Его смысл состоит в том, чтобы прямой разговор с людьми, ответы на вопросы, которые ставят москвичи, и содействие их решению стали главным в деятельности райкомов, партийных комитетов, всех членов МГК КПСС. Составной частью общественно-политического диалога стало расширение контактов с неформальными организациями, поддержка гражданских инициатив. И за «круглым столом», в городском и районных дискуссионных клубах не редкость видеть рядом представителей партийных органов, ученых, самодеятельных общественных движений.

Проведение дискуссии предполагает определенные правила. К сожалению, за долгие годы о них мало думали. Культура спора, политической полемики у нас просто отсутствует. Об этом свидетельствуют многие выступления на Съезде и на сессии Верховного Совета СССР, не говоря уже о речах ряда ораторов на митингах. Невозможно не замечать, что подчас эмоциональность порыва заглушает рациональность мысли. Вместо попытки доказать свою правоту с помощью аргументов используется довольно распространенный в истории нашего общества прием — навешивание политических ярлыков. Уважительное отношение к оппоненту подменяется нетерпеливыми аплодисментами, порой переходящими в другие, явно противоречащие цивилизованному диалогу формы выражения недовольства. Эти «детские болезни» роста нашей новой демократии можно понять и объяснить. Но необходим и следующий шаг — воспитание культуры диалога.

Говоря о правилах дискуссии, мы далеки от стремления заорганизовать ее, превратить в хорошо срежиссированный спектакль. Нельзя забывать о том, что дискуссии конца 20-х годов выродились, по существу, в инструмент сведения счетов, приведения взглядов членов партии к унифицированному единомыслию. Именно так проходила дискуссия перед XV съездом партии. Небезынтересна в этой связи памятка по проведению дискуссии в партийных ячейках, разработанная в то время одним из райкомов города. Она включала 24 пункта, среди которых значились и такие: «Необходимо при организации собраний рассадить товарищей таким образом, чтобы возле каждого оппозиционера или колеблющегося товарища сидели несколько товарищей, наиболее твердо стоящих на точке зрения ЦК» или «Никаких содокладов от имени оппозиции на собраниях допускать не следует». Естественно, что при такой организации ни о какой настоящей дискуссии, плодотворном обмене мнениями речи быть не могло.

Подлинная культура дискуссии — это приоритет аргумента. Именно доказательность, основанная на логике, глубокой эрудиции, делает полемику результативным действием. При этом важно утверждение подлинно человеческого стиля общения — терпимость к иному мнению, уважение к оппоненту, общение на равных.

Ведь в дискуссии главное — совместный поиск истины. Именно из этого необходимо исходить при ее организации.

Дискуссия в партийной организации идет. Самое главное, чтобы ее живительный ветер помог каждому коммунисту определить свое место в рядах борцов за обновление социализма.

МЕЖКЛУБНАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ:
информация к размышлению

Редакция продолжает публикацию материалов, связанных с деятельностью внеуставных организаций московских коммунистов.

В прошлом номере мы познакомили читателей с основными документами Московского партийного клуба.

Сегодня предлагаем для анализа и обсуждения документы Межклубной партийной организации (МПО), образовавшейся, как уже говорилось в предисловии к предыдущей публикации, весной этого года в результате разделения ранее существовавшей Межклубной партийной группы. МПО объединяет коммунистов — участников различных самодеятельных общественных движений.

МПО получила в последнее время довольно большую известность в связи с организованным ею 18 июля в Лужниках митингом «Перестройка в партии и выборы в местные Советы народных депутатов». Митинг этот получил у москвичей самые разноречивые оценки — от полной поддержки до неприятия. Привлек он и внимание прессы (см., например, «Вечернюю Москву» за 19 июля).

Публикуемые ниже документы Межклубной парторганизации приняты на собраниях ее членов, которые проходят регулярно в Общественно-политическом центре МГК и МК КПСС (так теперь называется Дом политпросвещения).

Положение о Межклубной партийной организации (внеуставной партийной организации московских самодеятельных общественных клубов и объединений)

1. Рост политического сознания народа, обусловленный курсом партии на радикальное обновление политического, экономического и правового состояния общества, привел к созданию широкого круга самодеятельных общественных организаций. Межклубная партийная организация (МПО) объединяет коммунистов Москвы, участвующих в работе этих организаций.

2. МПО содействует консолидации творческой инициативы КПСС и широкого общественно-политического движения по обновлению нашего общества, гуманизации его политической и духовной жизни, рассматривая в качестве ключевой задачи развитие внутрипартийной демократии. Участие в работе МПО несовместимо с пропагандой сталинизма, национализма, других видов идеологического насилия и нетерпимостью к инакомыслию. Одну из своих задач МПО видит в содействии конкретному и обоснованному рассмотрению конфликтов, вызываемых действиями, направленными на подавление демократических убеждений, в частности восстановлению в партии исключенных из нее по этим мотивам.

3. В числе основных направлений работы МПО:

— изучение мнений коммунистов и беспартийных по проблемам самодеятельного общественно-политического движения, развития демократии и гласности в СССР (социологическая группа);

— углубленная проработка этих проблем с подготовкой конкретных предложений для обсуждения в МПО, первичных партийных организациях, на различных других уровнях и инстанциях (научный семинар);

— издание бюллетеня МПО, взаимодействие со средствами массовой информации (редакционная коллегия).

4. Формой массовой работы МПО является партийно-дискуссионный клуб. Для организации своей работы клуб избирает совет. Члены совета поочередно осуществляют подготовку и ведение заседаний клуба.

5. Для координации всей деятельности МПО на ее общем собрании избирается секретариат. Число секретарей-координаторов МПО и срок их работы определяются на общем собрании.

6. МПО в ходе своей работы взаимодействует с МГК КПСС и Московским Домом политпросвещения в рамках, определяемых задачами реализации принятых решений. Представители МПО участвуют в работе комиссий МГК КПСС, рассматривающих вопросы, по которым МПО внесены конкретные предложения. При необходимости эти предложения выносятся и на более высокий уровень, вплоть до пленума МГК и городской партконференции, а также ЦК КПСС.

7. В настоящее Положение могут вноситься изменения и дополнения решением общего собрания МПО.

28 июня 1989 г.

Программа общепартийной дискуссии в Москве (июль — октябрь 1989 года)

Форма рабочей демократии исключает всякое назначенчество как систему и находит свое выражение в широкой выборности всех учреждений снизу доверху, в их подотчетности, подконтрольности и т. д.

Из резолюции X съезда РКП(б)

Темы дискуссии: **Неотложные меры по развитию внутрипартийной демократии.**

1. **Выборность или назначенчество!** Как обеспечить реальное участие партийной массы, низовых парторганизаций в процессе **выдвижения и отбора** кандидатов в делегаты партконференций, съезда КПСС, в состав и руководство партийных органов, а также в выработке конкретных программ их будущей работы?

2. **Контроль партаппарата или партийный рабочий контроль!** Как сделать подотчетной коммунистам-рабочим деятельность по подготовке и принятию важнейших политических и кадровых решений?

3. **Партийной кадровой политике — народную поддержку!** Как осуществить учет мнений беспартийных, прежде всего, по кандидатурам в делегаты конференций, съезда партии и на должности **руководителей партийных комитетов** (в том числе первых секретарей РК, ГК и т. д., совмещающих в своем лице партийную и государственную власть) и другим наиболее важным кадровым вопросам.

В Центральный Комитет КПСС
В областные, городские, районные
и другие партийные комитеты и бюро
В первичные партийные организации

Обращение московской внеуставной Межклубной партийной организации

Мы — коммунисты, участвующие в работе самодеятельных общественных объединений и клубов, серьезно обеспокоены остротой социально-экономического неблагополучия в нашем обществе, остротой кризисных явлений в ряде других социалистических стран.

КПСС, как правящая партия, не может снять с себя ответственность за нынешнее положение дел, как и за преступления, ошибки прошлых десятилетий. Чтобы поднять в этих условиях ее авторитет, есть только одно средство: **отказаться** от привычного стремления — **принимать наверху** и, получая формальное одобрение низов, фактически навязывать им важнейшие **политические и кадровые решения.**

Такое стремление наглядно проявилось в «процедурных» вопросах нашей партийно-государственной политики — от порядка избрания делегатов на XIX Всесоюзную партконференцию до регламента работы I Съезда народных депутатов СССР. Недовольство недемократичностью этих процедур резко усилило недоверие к партаппарату, руководителям различного ранга, открыто выраженное не только в ходе выборов народных депутатов, но и в ряде выступлений на Съезде, на митингах, в средствах массовой информации.

Недопустимо сегодня ради обеспечения мнимой стабильности продолжать удерживать партийную массу в пассивном состоянии и вынуждать демократически настроенных коммунистов реализовать свою инициативу не в рамках собственной партии, а в различного рода неформальных движениях.

Такая политика неизбежно ведет к обострению обстановки, первые примеры чего мы уже видим в партии (конфликты вокруг Б. Н. Ельцина) и в стране. Дальнейшие последствия ее непредсказуемы. Но преодолеть эту командную инерцию на уровне исполнительных органов партии, которые сами подвержены ей, чрезвычайно трудно.

Необходим высший партийный форум. Исходя из этого неотложного политического требования современности, мы обращаемся к партийным организациям, комитетам и бюро с предложением обсудить следующие вопросы:

1. О созыве до начала 1990 года **внеочередного, XXVIII съезда КПСС** для рассмотрения неотложных внутрипартийных проблем, таких, как:

а) демократизация организационно-политических основ КПСС (свобода выхода из ее рядов, порядок подготовки документов, решений и выдвижения кадров снизу вверх на конкурсной основе, полная гласность финансовой деятельности и др.);

б) постановка задач по пересмотру Программы КПСС, не выполняющей реально свою программную роль;

в) обновление состава ЦК КПСС, других партийных органов.

2. О проведении до съезда внеочередной, **XXVIII Московской городской партконференции** для рассмотрения этих проблем.

Чтобы состав и решения конференции и съезда отражали мнение массы коммунистов, низовых парторганизаций, а не партийно-бюрократической прослойки, предлагаем обсудить также вопрос:

3. **О прямых тайных выборах делегатов** на конференцию и съезд **из альтернативных кандидатов, выдвигаемых на открытых собраниях** в первичных партийных организациях, в том числе посредством самовыдвижения.

У нас нет сомнений в том, что широкое, общепартийное обсуждение перечисленных выше вопросов может принципиально изменить положение в партии и стране. Оно будет содействовать выполнению решений XXVII съезда, январского (1987 г.) Пленума ЦК и XIX Всесоюзной партконференции о демократизации внутрипартийной жизни, а также выработке подлинно демократической платформы участия КПСС в ответственнейшей политической кампании — выборах в местные Советы.

* * *

Предложения передавать в Межклубную партийную организацию.

Резолюция митинга в Лужниках

Мы, коммунисты и беспартийные, собравшиеся на митинг в связи с началом московской общепартийной дискуссии о демократизации КПСС, признаем создавшееся политическое и социально-экономическое положение в стране как кризисное и крайне опасное.

Перестройка в стране идет медленно. Слова не подтверждаются делами. Основной причиной этого является отсутствие перестройки в самой партии. Она продолжает жить по инструкциям сталинско-брежневского времени.

Центральный Комитет и другие руководящие органы партии по-прежнему келейно готовят и принимают важнейшие решения без учета мнения низовых партийных организаций.

Партийная масса находится в пассивном состоянии. Активно и принципиально действующие коммунисты не находят поддержки и защиты партийных комитетов. В партийных организациях обсуждаются преимущественно второстепенные хозяйственные вопросы, а не вопросы политики партии.

Единственный выход из создавшегося положения мы видим в досрочном созыве XXVIII съезда КПСС.

Мы не можем согласиться с позицией тех, кто считает, что сегодня есть более важные задачи. Партия должна определить свою стратегию и тактику до начала выборов в республиканские и местные Советы народных депутатов. Первый Съезд народных депутатов СССР взял на себя решение общегосударственных задач. Появилась возможность обсудить на партийном съезде сугубо партийные задачи.

Работу по обновлению КПСС надо начинать с ее низовых структур, и коммунисты Москвы должны подать в этом пример.

Мы считаем необходимым:

1. Обсудить в первичных партийных организациях политическое положение в стране, задачи по демократизации партии и способы ее закрепления в инструктивных партийных документах и Уставе КПСС.

2. Начать в первичных организациях подготовку к проведению внеочередных районных партконференций с прямыми тайными выборами делегатов из альтернативных кандидатур, выдвигаемых на открытых партийных собраниях, в том числе путем самовыдвижения.

3. На внеочередных районных конференциях по тому же принципу избрать делегатов на внеочередную, XXVIII Московскую городскую конференцию КПСС. Выборы на конференцию не связывать с проведением отчетно-выборной кампании в первичных организациях.

4. Признать неотложной задачей низовых партийных организаций разработку и принятие предложений к предвыборной платформе КПСС и выдвижение кандидатов в народные депутаты с обсуждением их на открытых партийных собраниях.

5. Мы призываем членов неформальных общественных организаций к выработке программ конструктивного сотрудничества с КПСС в целях углубления процесса перестройки и демократизации общества.

18 июля 1989 г.

В следующем номере свою точку зрения на работу внеуставных партийных организаций выскажет работник аппарата МГК КПСС Владимир Лантратов.

В дальнейшем редакция продолжит знакомить читателей с деятельностью и программными документами различных неформальных организаций и объединений.

В редакцию «Горизонта» поступило большое письмо от драматурга Наума Брода.

Несмотря на ряд спорных, а подчас и весьма несправедливых оценок, оно тем не менее отражает умонастроение значительной части граждан и имеет прямое отношение к сегодняшнему разговору о демократизации нашей политической системы.

Поэтому мы также предлагаем его для обсуждения.

Наум Брод

Я НЕ СОГЛАСЕН

О том редкостном единодушии, в котором десятилетиями пребывало наше общество, теперь пишут много. Выявляется его генезис, отыскиваются гарантии того, чтобы избавиться от него, единодушия, окончательно. Запестрели непривычным разнообразием суждений средства массовой информации, в ходу стало чужеродное, труднопроизносимое слово — плюрализм (к «многовариантности», наверно, меньше уважения, как к своему). И все-таки почему мы сегодня так сдержанны в выражении оптимизма относительно нашего будущего? Мне думается, что среди прочих причин, порожденных далеким и недавним прошлым, этому мешает один очевидный парадокс: единодушие изгоняется из нашего застойного сознания... единодушно.

Этого следовало ожидать, потому что никаких изменений в нашем обществе — ни в его структуре, ни в сущности — пока не произошло. Так уж сложилось, что поголовно все его граждане со всеми их деяниями от рождения до смерти охвачены «заботой партии и правительства». В этой ситуации несогласный становится синонимом неблагодарного. А это значит, что инакомыслие из категорий философских, научных автоматически перескакивает в категории моральные. То есть, минуя стадию дискуссий, отыскивания истины, попадает сразу в стадию оценок, осуждений, откуда недалеко и до расправы.

Который раз мы выявляем ошибки прошлого и тут же набрасываемся на тех, кто уже заводит речь об ошибках настоящего. Для маркировки несогласных официальная пропаганда десятилетиями пользуется одними и теми же клише: «группа безответственных лиц», «отдельная группа лиц», «подавляющее большинство поддерживает» и еще несколько таких же. Их немного, они не поражают воображение глубиной и выдумкой. Зачем, если и так срабатывает для «подавляющего большинства»? Отбить «группу безответственных лиц» от «подавляющего большинства», развести на «с нами» и «не с нами» значительно проще, чем доказывать свою правоту. Тем более что чаще всего столкновения, борьба происходят не из-за целомудренного выяснения, кто больше прав, а — у кого больше прав. Кстати, с каким неизменным сладострастием у нас констатируют, что большинство — «подавляющее». И ведь действительно, оно всегда кого-то подавляет на своем пути к торжеству; едва ли в истории нашего общества отыщется факт, когда

меньшинство выступило открытой антитезой большинству и осталось бы при своих интересах (хотя бы живо-здорово).

Но ведь новое знание всегда вначале — прерогатива меньшинства, если не одиночек. И никогда не будет иначе! И Политбюро до момента оглашения своего очередного решения — тоже «отдельная группа лиц», хотя бы потому, что о новом решении «подавляющее большинство» пока не знает. В мире, где все так относительно, любую категоричность мы рискуем обернуть против себя.

Попробуем «остановить мгновение», с которого начинается тотальное единодушие. Одна из недавних телевизионных бесед за «круглым столом» навеяла такую картину. Сидят перед телекамерами три умные Головы и решают наши самые сокровенные проблемы. При этом я знаю, что одна Голова белое считает черным, а две другие белое считают белым. Но сейчас они толкуют о красном и все согласно кивают. Миллионы телезрителей тоже знают, что белое есть белое, хотя до сих пор вслух об этом не принято было говорить. И вот первая Голова весьма интеллигентно, как о чем-то само собой разумеющемся, говорит, что, конечно, белое — это черное и что с этой данностью всем нам следует считаться, никому не позволено будет игнорировать очевидную истину. Две другие Головы на мгновение прекратили кивать, и мы, миллионы, тоже замираем у своих экранов. Это очень важное мгновение. Это мгновение равновесия: сейчас должно качнуться в какую-то сторону!

Это одно из тех мгновений, с которых начинаются эпохи. Сейчас они возразят, думаем мы, и эпоха неправды кончится и начнется эпоха правды. Я ловлю себя на том, что мои губы непроизвольно шепчут: «Я не согласен!» — как бы помогая тем двум Головам, подталкивая их в ту, нужную, долгожданную сторону... Но вместо опровержения Головы продолжили свое кивание. В конце концов, речь шла о красном, в этом они отвоевали истину у лжи. А то, что первая Голова заблуждается в другом,— ничего, нас в два раза больше, мы еще утвердим правду. Дудки! Мгновение ушло, выбор сделан. Кивнув, две Головы автоматически рекрутировали себя на службу лжи. И призвали на эту службу миллионы тех, кто ждал от них истины. Теперь же между миллионами вместо **истины** о белом воцаряется некая **установка** на белое, всеобщая договоренность считать его черным. Нарушить договоренность одиночкам-правдоискателям, «группе безответственных лиц» теперь будет чрезвычайно трудно и опасно, а «подавляющему большинству» просто даже и не хочется: надоело, другие заботы. Опять же все так прочно охвачены единодушием, что уже нет никаких сил из него выбираться. Да и зачем, когда можно неплохо устроиться и внутри единодушия?

Как же обществу противостоять этому явлению? Сложность в том, что это явление скорее психологическое, чем социальное; социальное может ему благоприятствовать или нет. В одних случаях людей толкает к единодушию страх, в других — корысть, в третьих — неумение мыслить самостоятельно. Слиться с единодушием, скрыться в нем — и проще и надежнее. Но единодушие — это ведь не только плохо, оно одновременно и желанно каждому психически нормальному человеку. Мне тоже. Мне приятно ощущать себя искренним соучастником какого-либо общественного процесса, и, наверно, было бы совсем хорошо, если бы какая-нибудь моя идея была подхвачена единодушно. Так что желание «верхов» добиться в обществе единодушия понять можно. Пугают неограниченные возможности. В сущности, все нынешние серьезные выступления и предложения сводятся к тому, чтобы ограничить возможности «верхов» уравнять в правах «власть» и «народ». Первый практический шаг — индивидуальная трудовая деятельность. Но примечательно, что индивидууму отдана на откуп (и то частичный) только трудовая деятельность, то есть та, с которой можно было снять идеологические путы (тоже частично). Что касается идеологической деятельности — пресса, экономико-политические науки и проч., то тут ни о какой «индивидуальной» деятельности речи быть не может. Сразу окрик.

Но ведь трудовая деятельность без идеологической для индивидуума — это та же несвобода. Ты, мол, выправляй коммерцию, а в остальное не суйся, все за тебя решат. Конечно, дефицит предпринимательской инициативы огромен, хочется его хоть немного покрыть, впустить самостоятельности, примерить силы, но надолго ли хватит людей хранить такой «обет молчания»? Нельзя не думать о том, о чем «нельзя думать». Очень скоро начинают накапливаться недоумение, недовольство, раздражение, апатия, конформизм — словом, все то, что мы сейчас наблюдаем в нашем обществе.

С чем же конкретным не согласен я и почему?

Начну с самого безобидного.

«КОГДА-ТО МЫ ВСЕ СЧИТАЛИ...»

Многие нынешние публикации и выступления отличает тон покаяния. Считали, мол, что правильно будет так, а оказалось иначе. Это еще ничего, но в это буйство саморазоблачений втягивается чуть ли не все население страны. Появился даже стереотипный оборот, ставший чем-то вроде обязательного бонтона: «Когда-то мы все считали...», мол, с одной стороны, и я не безгрешен, но с другой — я как все. Мы! Но всеобщее самобичевание состыковывается со всеобщей безнаказанностью. Во всеобщем покаянии растворяются истинные виновники. Каждый раз этим «мы» меня как будто опять тянут в какую-то вселенскую компанию: «Давай, давай, кайся! Все каемся». Но я не считал! Недавно я наткнулся на свои давние дневниковые записи. Двадцатилетний наивный мальчик наивными словами писал о вещах ненаивных, а по тем временам и вовсе крамольных. И я хорошо помню, что был не одинок в своих суждениях. Хотя помню и то, что сверстники были далеко не единодушны. Мы кучковались не только по интересам, по случайному стечению обстоятельств, но и по идеологическим пристрастиям. На дворе стоял 60-й год, а кого-то за убеждения нет-нет да и отправляли за решетку. Помню лицо аспиранта нашего института, когда мы на всеобщем комсомольском собрании мордовали его за то, что он осмелился направить в какие-то высокие инстанции свой проект выборной системы. Наша, видите ли, его не устраивала. Это было лицо несдавшегося, но совершенно обреченного человека. Как будто ему только что объяснили, что причина его поступка — необратимые церебральные изменения. Наверно, каждый в подобной ситуации почувствует себя сдвинутым.

Я не согласен с тем, что меня «валом» делают соучастником прошлых, мягко говоря, ошибок,— не только из-за себя, но и из-за десятков людей, которых я знаю, и знаю, что эти во всех отношениях достойные люди предпочли самоустраниться, отказаться от благ, укротить свои таланты и знания, но только не соучаствовать в развале государства. Лет пять назад мне попалась на глаза статья Е. Замятина о

советской литературе. Я читал и удивлялся: «Надо же, как они там хорошо понимали наши дела». А оказалось, что статья... 1922 года, написанная здесь, значит, уже тогда (тогда-а!!) были люди, которые все понимали про наше общество, приходили в ужас от его будущего. Что уж говорить про совсем близкие нам «годы застоя»!

Один мой приятель сказал: «Я участвую потому, что лучше я, чем какая-нибудь сволочь». Неправда! Лучше все-таки сволочь, чем он. Потому что, во-первых, если и он заодно со сволочью, то кто будет против? А во-вторых, рано или поздно станет на одну сволочь больше. Я слышал о двух докторах наук — враче и химике, которые ушли пасти коров; я этому верю потому, что сам собирался в пастухи,— не взяли. Об этом явлении среди нашей интеллигенции не очень распространяются, но о нем уже известно. Стремление вырваться из страны — не измена родине, а часто нежелание паразитировать на ее теле, «как все». Ну, или как «подавляющее большинство».

Когда в прессе замелькало слово «перестройка», я подумал (не без злорадного торжества): «Уж мне-то перестраиваться не надо». И ходил с этим чувством превосходства, пока в какой-то газете не вычитал, что не считают нужным перестраиваться и прямые соавторы застоя. Тогда до меня дошло, насколько нелеп сам призыв «всем перестраиваться». Как может взрослый, сложившийся человек перестроиться? Или наоборот: если взрослый, сложившийся человек перестроил-

---

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ НОМЕРА

Наталия Шкаровская

КАРТИНКИ НАРОДНОГО БЫТА

До шестидесяти трех лет жил Иван Михайлович Никифоров, отягощенный теми же заботами нелегкой народной жизни, которые достались на долю его поколения. Крестьянский сын, «мальчик» у хозяев, грузчик, солдат, красноармеец, колхозник, рабочий... Но однажды пробудилась к творчеству его душа и стал он художником.

Родился Никифоров в 1897 году в деревне Монаково Верейского уезда Московской губернии в бедной крестьянской семье. Когда кончил два класса церковноприходской школы, отец его решил, что учебы достаточно, и отправил маленького Ваню в Москву на заработки. Это был обычный путь для деревенских детей в старой России — «в мальчики».

Устроили Ивана в конфетный цех кондитерской фабрики Сан-Ривал на Мещанской. Спали на нарах при фабрике, вставали в четыре утра, разжигали котлы, а потом, после варки, тянули руками горячую конфетную массу в тонкую «колбасу». Долго Иван не выдержал, сжег все руки до мяса, получил затрещину от мастера и ушел с фабрики. Далее, как он сам рассказывал, было вот что: «...годов двенадцати отдали в услужение в магазин в мучно-бакалейный к купцу Белякову в Москве, на Плющихе. Сначала на побегушках, а потом продавцом-молодцом до самой военной службы работал на одном месте. Потом сначала царская военная служба, а потом и Красная Армия и гражданская война. После войны демобилизовался и прямо, не заезжая в деревню, в Москву полуразрушенную, в которой царствовала тогда безработица, еще мало было восстановлено заводов и фабрик. У Красных Ворот была тогда биржа труда. Больше тысячи стояли на учете и в очереди на работу». Это не воспоминания, а отрывок из повести Ивана Михайловича «Нэп». Он почти соответствует его собственной биографии, почти, потому что Никифорову пришлось не только таскать мешки в лавке, но и шить у шорника кошельки и сбрую, побывал он и на московском дне — в притонах Хитровки, куда увлек его дядя-пьяница...

В самом конце 20-х перебрался Иван Михайлович в деревню, где по грамотности избрали его председателем колхоза. Но жена его вступать в колхоз не захотела, и он уехал в Москву. Поработал на заводе, а потом за жилье-каморку в пристанционной сторожке устроился грузчиком на станции Пушкино Ярослав-

АВТОПОРТРЕТ У ОКНА

ИВАН НИКИФОРОВ

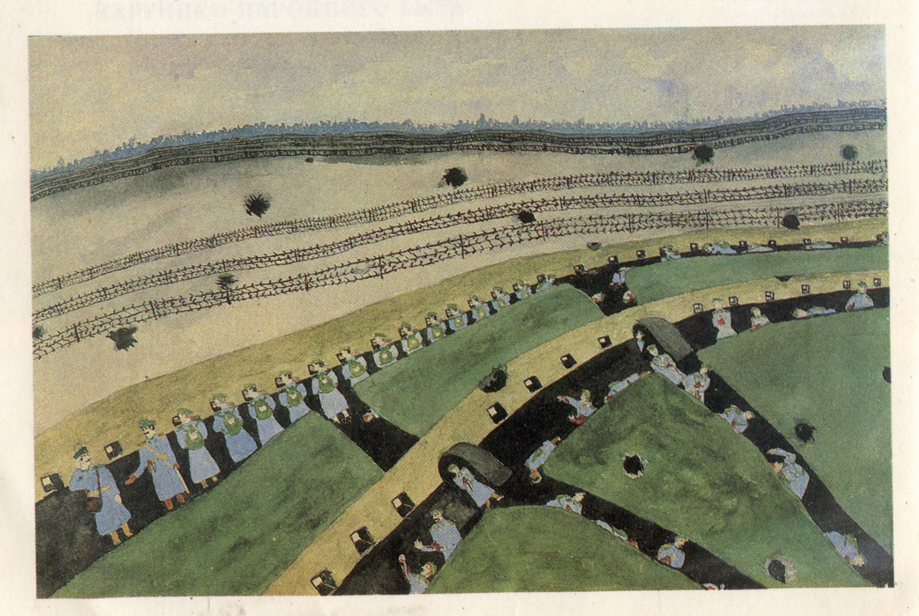
ХИТРОВ РЫНОК

КАЗНЬ СТЕПАНА РАЗИНА

В ОКОПАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ся, то какова цена ему и его перестройке? Все гораздо проще: экономические и политические перемены в обществе (перестройка) мобилизуют новых людей, других, а не тех же, но перестроившихся. Не бывших соавторов, а **новых** авторов **нового периода.** В этом хотя бы будет какая-то последовательность. Функционер, ревностно выполнявший указания сверху, в общем-то тоже по-своему последователен, когда ратует за перестройку,— ведь он опять выполняет указания сверху. Правда, многое ему кажется непонятным, но ничего, не впервой, справится. Нередко его побуждения искренни, и это покрывает прочие его недостатки, оставляет у руля перестройки. Но я не согласен с таким компромиссом! Я уверен, что такие «перестроившиеся» о переменах в лучшем случае знают, но они для них не выстраданы, чтобы стать их сущностью, внутренней потребностью. Перемены другие, а не они! Мало кого из них можно назвать жертвами периода застоя. Может быть, жертвами внутренней борьбы, но не борьбы с застоем. Вряд ли в их карьерах, в их социальном и житейском статусе можно обнаружить хоть какие-то признаки ущемления. Что-то не встречал я среди них «проклятьем заклейменных», историей призванных радикально все менять. Может, их разум и «возмущенный», но неясно, с кем они готовы идти на «смертный бой» — с самими собой? С тем, что является их же порождением — бюрократией, нравственным гниением, экономическим развалом?

ской железной дороги. Здесь в 1942 году при погрузке эшелона с оборудованием и произошло несчастье — свалился станок, и Никифоров получил тяжкое увечье. Пролежав год в больнице, он вышел оттуда инвалидом. И мыкаться бы ему, да пожалело станционное начальство: оформило ночным сторожем при пакгаузе.

На дежурства стал Никифоров брать книги, читать. «И захотелось самому что-то написать,— вспоминал он впоследствии.— И я занялся писать повесть жизни одного знакомого мне человека». Купил он простые тетрадки, сшил их нитками и начал выводить в них печатными буквами свое сочинение. За упомянутым «Нэпом» последовал «Фальшивомонетчик», затем еще одна повесть, которую сожгла жена, не одобрявшая подобного «баловства».

Рисовать же Иван Михайлович начал поздно, только в 1960 году, когда внучка Надя, которой он помогал выполнять домашние задания по рисованию, отдала ему свои краски:

— На, деда, тебе пригодится, а мне не нужно.

«Я краски взял у нее,— вспоминал он,— и подумал: они и вправду пригодятся мне. Ведь книги иллюстрируют картинками, так и я сделаю в своей повести... За два года я написал эту книгу в семьсот страниц и к ней иллюстрации, более ста картинок, и этим я не успокоился. Я начал другую книгу писать. И к этой книге тоже написал иллюстрации, много картин...»

Так начался поздний восход творчества самобытного русского художника Ивана Михайловича Никифорова. Без знания академических правил живописи и рисунка и даже вопреки им, художник-самоучка из тех, которых сегодня в разных странах называют по-разному: наивный, самобытный, народный, фольклорный, примитивный и пр., отразил в картинках прожитую жизнь, свое мировоззрение и нравственные основы сознания, в частности, крестьянского, связанного с фольклором. Примостившись где-нибудь у подоконника или кухонного стола, на оберточной бумаге или обоях рисовал Никифоров акварельными красками окопы четырнадцатого года, гулянье на масленице, работу на конфетной фабрике, конку на Трубной в Москве... Для этого ему не надо было ехать со станции Пушкино в город, чтобы оживить в памяти знакомые места, как сделал бы это натурный художник. Фольклорное сознание, живопись по воображению сближали прошлое и настоящее, соединяли время и пространство. Так на картинках появлялись рассказы о детстве и юности, крестный ход в деревне, парни и девки у пожарного сарая, красноармейцы, скачущие в обход неприятеля, разгрузка вагонов на станции, где среди грузчиков был, наверное, и сам художник. Творчество уводило его от мыслей о тяжелой инвалидности, бедности и бытовых невзгодах, делало счастливым.

Окончание на третьей стороне обложки.

«БОЛЬШЕ СОЦИАЛИЗМА!»

Время от времени у нас раздаются голоса, призывающие заимствовать у капитализма «все самое лучшее». Получается, что однажды «все самое лучшее» капитализма станет частью социализма (чем он, социализм, будет вправе гордиться). Но ведь и капитализм, во-первых, может гордиться тем же, и уже сегодня, а во-вторых, он ведь тоже всегда гордится не «самым худшим». С другой стороны, все самое худшее у себя мы называем «деформацией социализма», никак не ставящей под сомнение саму идею социализма. А может, все самое худшее у капитализма — тоже всего лишь «деформация капитализма»?

Одно из достоинств капитализма (которое собирается заимствовать социализм) — большая мобильность инициатив. Известно, как быстро входят в практику капитализма новые идеи — технические, научные и прочие, рожденные... в социализме (и в нем же похороненные). Значит, и с самим процессом заимствования «всего самого лучшего» дело у социализма тоже обстоит не лучше, чем у капитализма. Предметом особой гордости теоретиков социализма является отсутствие частной собственности и эксплуатации. Но семидесятилетнее отсутствие частной собственности, увы, не доказало, что это намного лучше, чем ее наличие. Отношения с государственной собственностью у советских граждан приняли прямо-таки драматический характер — от наплевательства до криминала. Наверно, не зря постепенно, понемногу, в завуалированной форме, под другими названиями, но частная собственность возвращается. Пусть пока участок земли маленький и трактор маленький, но все уже рады, что есть хотя бы такие, и дружно делают вид, что на веки веков все так и останется маленьким, хотя всем ясно, что если трактор не станет однажды большим и участок останется маленьким, то и инициатива останется в пределах участка, а к чему это приводит, тоже уже все знают.

Теперь об эксплуатации. Наверно, уже давно пора уточнить, что такое эксплуатация человека человеком в контексте современного развития производственных, политических, социальных и... психологических отношений между людьми. Если на время забыть такие уважаемые науки, как политэкономия и обществоведение, то при слове «эксплуатация» в воображении вспыхнут (из школьных лет) два лица: расплывшееся, самодовольное, не знающее жалости — эксплуататор, и суровое, с туберкулезной впалостью щек — эксплуатируемый. В таких картинках, не лишенных реальной предтечи, действительно физически ощущалась несправедливость в распределении труда и результатов труда. А теперь вспомним хотя бы симпатичное лицо «товарища миллионера» Хаммера. Представить, что за таким лицом скрывается... эксплуататор?! — просто немыслимо. Да и у эксплуатируемого изменился облик: его уже не так часто точит палочка Коха, он может жить в собственном доме, разъезжать в собственной машине и вообще, если очень постарается, может стать президентом страны (это уже, признаюсь, во мне звучат отголоски западной пропаганды). Считает ли себя такой эксплуатируемый эксплуатируемым в прежнем, угнетающем смысле этого слова? Поскольку в данный момент спросить мне не у кого, я снова поворачиваюсь к нашей действительности, где вот уже 70 лет нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Но так ли это? А зависимость от самодура-начальника — не эксплуатация? А жизненный уровень в 5—10 раз ниже, чем в той системе,— не угнетение? А десанты на хлопковые и прочие поля — не эксплуатация? И никто, вы скажете, не эксплуатировал наше доверие и надежды?

В чем же тогда разница для «маленького человека», если он не теоретик политической экономии?

Я вовсе не против социализма хотя бы потому, что тоже не очень силен в теории. (Впрочем, в ряде случаев моего понимания оказывается достаточно, чтобы увидеть несостоятельность аргументов некоторых воинствующих апологетов социализма. С другой стороны, «подавляющее большинство» из тех, кто утверждает, что он за социализм, не понимает, что это такое.) Сама процедура противопоставления одной системы другой выглядит странно: капитализм берется с его имеющимися достижениями, а социализм — с его будущими. После каждого «выпрямления» мы начинаем стремительный бег к горизонту, где социализм опять предстает в сиянии достижений и преимуществ перед капитализмом. Но кто может сказать, до чего добежит в этом будущем капитализм? Он ведь не собирается стоять на месте. Во всяком случае, слово «застой» мы сегодня связываем с социалистической действительностью... «Мы ни на йоту не отступимся от истинных ценностей социализма». Но ведь и с той стороны может раздаться: «Мы ни на йоту не отступимся от истинных ценностей капитализма». Если раскрыть оба эти заявления, окажется, что ценности одни и те же. Похоже, что социализм и капитализм соотносятся, как хлеб и стихи о хлебе. Хлеб может быть грубым, черствым, отдающим пóтом, но его можно съесть. А стихи о хлебе, конечно, нужны, но ими сыт не будешь. Может быть, сосуществование двух систем теперь следует понимать не как мирное проживание одной там, другой здесь, а как уживание и там и здесь и той и другой. Кстати, с понятием «капитал» мы уже как-то сроднились. И в самом деле, куда нынче без капитала!

Мы уже выяснили в экономике: важен не план, а продукт. В политической системе тоже важен продукт, а не название. Продуктом системы является уровень жизни — материальной, духовной. Я так понимаю, что мы все-таки стремимся не к социализму-названию, а к социализму-содержанию. Или наоборот: к содержанию, название которому... А вот каким «измом» это будет называться, уже не так важно. Важно, что общество будет наполнено таким содержанием — материальным, нравственным, духовным,— которое будет максимально отвечать потребностям его членов.

«ТАК ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИЛОСЬ...»

Скажу откровенно, всегда испытываю чувство неловкости, когда сталкиваюсь с тем, как взрослые, солидные люди на полном серьезе говорят: «Родная партия... любимая партия... мудрая партия». Что-то в подобных излияниях ускользает от моего понимания. Ладно, если бы речь шла о группе в 30... ну 100 человек, где каждый знает каждого. Но так трепетно и персонифицированно относиться к сообществу из 15 миллионов?! Из 20 миллионов?!! Среди которых предостаточно (как выяснилось и продолжает выясняться) и карьеристов, и спекулянтов, и мздоимцев, и дураков, и отпетых негодяев, и...— да всех! Это же миллионы людей! Десятилетиями под одним и тем же названием — КПСС, под одними и теми же лозунгами объединяются разные люди, часто взаимоисключающие (взаимоистребляющие!) друг друга, исповедующие прямо противоположные взгляды и действия. Плановое хозяйство — КПСС, децентрализация хозяйств — опять КПСС; ввести войска в Афганистан — КПСС, вывести — КПСС; «период бурного развития» — под руководством КПСС, тот же период назван «периодом застоя» то-

же КПСС. Да просто больше некому было руководить — как периодом, так и его оценкой. «Партия исправила ошибки...» А кто сделал? Если ошибки делают отдельные люди, если они — следствие субъективизма, то где в этот момент партия? Если в ошибках виновата партия, то следует говорить о ее «руководящей роли» не только в достижениях, но и в ошибках.

А что теперь понимать под определением «наша партия»? Удивительно, но партия 17-го года, 24-го, 37-го, 41-го, 45-го, 53-го, 64-го, 75-го, 85-го и 88-го годов — это все одна и та же партия! Какая партия «наша партия» в 37-м: та, что расстреливала, или та, кого расстреливали? Или та, которая продолжала бессловесно идти за «вождем всех времен и народов» к «новым свершениям»?

Подобные логические тупики — неизбежное следствие однопартийной системы. С началом демократических процессов в нашем обществе одним из главных, если не самым главным, самым желанным стал вопрос об альтернативах существующей политической системе. Правда, гласность коснулась его одним из последних. Долгое время над ним висел смог недоговоренности. Зато решен он был быстро и обескураживающе просто: у нас однопартийная система, было разъяснено общественности, потому, что «так исторически сложилось». Но здравому смыслу мало объяснения одним «историческим сложением». Застой, в конце концов, тоже исторически сложившаяся ситуация. И царизм, между прочим, тоже. Да мало ли что «исторически сложившееся» в истории человечества менялось велением времени! Тем не менее для защиты однопартийности в ходу сейчас именно этот аргумент. Он подхвачен, стиражирован, намертво приклеен к теме однопартийности, из чего по опыту предыдущих пропагандистских трюизмов я могу сделать вывод, что не стали бы его так настойчиво внедрять в наши головы, если бы он сам по себе был достаточно убедителен.

Система остается однопартийной, но, как было объявлено, на новой основе. В частности, отныне допускается свобода дискуссий в партии. Но и здесь нас подстерегает путаница. Во-первых, неясна степень свободы дискуссий и конечная их цель. Если конечной целью является подчинение меньшинства большинству, то рано или поздно интерес к дискуссиям пропадет — результат будет ясен и без дискуссий. Если дискуссия может привести к отделению фракции, не желающей подчиняться простому голосованию, к выходу ее из партии и созданию новой партии для борьбы с руководящей, то бессмысленным становится дальнейшее утверждение однопартийности.

Во-вторых, однопартийность даже со свободными дискуссиями обязательно будет приводить к ситуации (как это было всегда), когда ты не знаешь, где твой друг, где недруг,— все, подчиняясь «подавляющему большинству», на словах будут исповедовать одну идею, а что у них будет прорастать в душе... Каждый из нас уже испытал на себе, что такое общество, живущее двойной моралью.

Сейчас все грехи списывают на мифического бюрократа, как будто бюрократ — это какая-то автономная каста злоумышленников, десантировавшая к нам с Марса. А бюрократия — это, как и все в природе, результат естественного отбора. Какие условия, таков и отбор. Бюрократией мы обязаны административно-командному стилю в руководстве обществом, в свою очередь, этот стиль во многом следствие однопартийности. «Руководящая роль» одной партии, записанная в Конституции, имеет статус закона, попробуй при таком условии стать поперек «руководящей роли»! С законом шутки плохи. Исключение из партии в этом случае (по идеологическим мотивам) — драма, вырастающая до государственных масштабов. При наличии многопартийности человек может стать членом той партии, которая более соответствует его взглядам, вина перед государством уже не будет давить его. Это, конечно, справедливей, чем уничтожать человека за инакомыслие; человечней, если на то пошло.

В преддверии XIX партконференции у общественности было много тревоги по поводу того, как выбираются делегаты и кто. Предпринимались попытки повлиять на содержание и ход конференции, но, если быть объективным, по какому праву? Это же была конференция **этой** партии, кого она хотела, того и делегировала, какие вопросы считала нужным обсуждать, такие и обсуждала. Если это кого-то не устраивало, надо было собирать... **другую** конференцию с **другими** делегатами и, вероятно, с **другими** идеями и предложениями. Но вот это, казалось бы, логичное решение в однопартийной системе совершенно исключено. Привычней новые идеи чуть ли не силком вминать в сознание тех делегатов, большинство из которых являлись (являются?) проводниками прежних идей.

Я знаю только одно логичное объяснение однопартийной системе: узурпация власти. Последнее подтверждение этому: совмещение должностей советского и партийного руководителя в одном лице. Это предложение называют неожиданным, парадоксальным. Ну что ж, и с тем, и с другим в какой-то мере можно согласиться: ждали, конечно, другого. Впрочем, это парадокс, так сказать, частный, таких было и будет много. Но есть парадокс, с которым уживается не одно поколение советских людей и который, как мне кажется, является главной причиной всех наших шараханий из стороны в сторону. Вот он: партия, исповедующая, как никакая другая, диалектический материализм — единство и борьбу противоположностей, на практике борьбе со своей противоположностью упорно предпочитает борьбу с самой собой, перемежая ее с борьбой со своим народом.

Ну и так далее.

* * *

Мне надоело, что в моем государстве меня держат за дурачка. Всегда находятся какие-то дяди, чьих распоряжений и толкований я должен ждать. А я, между прочим, сам давно дядя, по многим вопросам у меня есть свое мнение. Хотя я не являюсь специалистом по затронутым вопросам, мне кажется, смысл в подобных высказываниях, откровениях тоже есть. Так, как я, думают многие, и, если сделать социологический срез, окажется, что мы представляем не худшую часть общества. Так что прислушаться к нам стоит. Если же мы в корне не правы, то стоит подумать о качестве официальной пропаганды.

Миллионные жертвы, десятилетия разгула несправедливости и идиотизма накопили в обществе желание сатисфакции. В то же время голос разума взывает к взаимотерпимости. Раздоры обществу не помогут. Но во все времена в любом обществе было, есть и будет, с чем быть несогласным. В тот момент, когда в жизнь начинает внедряться самая раззамечательная идея, в чьей-то голове зарождается сомнение в ее замечательности. И, вполне возможно, справедливое. Правда, узнать об этом удастся, скорее всего, спустя много времени, но зато уже сегодня в обществе должны быть условия, при которых инакомыслящий мог бы сказать: «Я не согласен!» Увы, исключения не должно быть и для тех инакомыслящих, которые... громили вчерашних инакомыслящих, а сегодня не могут «поступиться своими принципами». Многовариантность только тогда станет живой плотью общества, когда среди множества вариантов будет на равных существовать и «вариант»... против многовариантности.

НАУКА С ТЕМНЫМ ПРОШЛЫМ И СВЕТЛЫМ БУДУЩИМ

Последние годы не так скупы на хорошие и часто неожиданные новости, но, наверно, ни одна не стала такой сенсацией в социологическом мире, как эта: директором-организатором ведущего социологического центра страны — Института социологии АН СССР, того самого, что прежде назывался Институтом социологических исследований,— назначен опальный В. А. Ядов. Совсем недавно уважительный отзыв о нем грозил неприятностями, а некоторых социологов невозможно было и упомянуть, скажем, Ю. А. Леваду, позже В. Э. Шляпентоха, еще позже А. Н. Алексеева; черный список все время уточнялся и расширялся...

Разговор с Владимиром ЯДОВЫМ о судьбах социологической науки в нашей стране ведет Михаил ЛЕВИН.

— Я думаю, Владимир Александрович, у нас есть основания начать с приятной констатации: времена, когда многим казалось, что у социологии в нашей стране нет будущего, слава богу, позади. Будущее начинает просматриваться — однако каково же ее настоящее? Я не прошу дать общую оценку, которая более чем очевидна: несмотря на отдельные достоинства, состояние нашей социологии в целом совершенно неудовлетворительно. Вопрос в том, что именно не удовлетворяет социологов и, шире, что не удовлетворяет общество.

— К концу XX века вполне утвердился в планетарном масштабе взгляд, согласно которому полноценное современное общество должно обладать определенным набором качеств. В этом обязательном наборе, например, то, что выражается понятием правового государства: универсальная власть закона — непременное условие и нормального развития общества, в том числе экономического прогресса, и нормального существования людей.

В чем-то, хотя, конечно, далеко не во всем, уместна аналогия между ролью закона и ролью общественных наук, в том числе наиболее «социальной» из них — социологии. Как закон является положительной альтернативой произволу, так научные, рациональные, позитивные представления об общественной жизни являются альтернативой невежеству и некомпетентности. Это не совпадающие, но тесно взаимосвязанные, подкрепляющие друг друга ценности, завоевания цивилизации, к которым человечество пришло после веков мучительного опыта. Государство правовое и доправовое — это две разные ступени цивилизации. Общество демократическое и недемократическое — тоже разные ступени. Не просто разные состояния, имеющие равное право на существование, а две ступени, из которых одна выше, другая ниже, причем, так сказать, принципиально ниже. На одной ступени мы найдем строгий контроль общественности над институтами власти, гарантии прав человека, приоритет общечеловеческих ценностей и другие достоинства, включая отвечающий демократии тип личности и высокий динамизм развития. На другой ступени стоит общество с прямо противоположными родовыми признаками.

Отличить развитое общество от неразвитого можно и по ответу на такой важный для нашего разговора вопрос: на какой основе строится жизнь общества и людей — на мифологизированной или реалистической? Мифологизированной основой могут быть религиозные догмы, а могут быть и догмы нерелигиозные. Суть же в том, что участники социальной жизни исходят прежде всего из неких умозрительных представлений — религиозных, идеологических, политических, философских — и лишь затем из фактического положения вещей. Точно по формуле: если факты противоречат догме — тем хуже для фактов.

Позитивный подход, как известно, меняет местами умозрение и факты, опирается именно на факты, на подлинные, а не предписанные свойства социальной действительности, их систематическое наблюдение, изучение и обобщение.

— Вы ведете к тому, что именно социологии принадлежит честь созидать эту позитивную основу?

— Не только, разумеется, социологии. Но в современном обществе ей, безусловно, в первую очередь, и чем дальше, тем больше. И это просто констатация социального факта, а не проявление моего профессионального ура-патриотизма. А вообще, такую основу создают все науки об обществе и человеке, точнее, даже наука в целом.

— Например, физика? Или биология?

— Конечно. Сегодня это отошло на второй план, поскольку уже мало кому приходит в голову «поправлять» исследователей в естественных науках, когда кому-то кажется, что их результаты расходятся с той или иной идеологией. Но вспомните, например, прежнее отношение церкви к астрономии, биологии, медицине: право утверждать, что Земля вращается вокруг Солнца, тоже было завоевано человечеством не сразу.

Интенсивно идущая в наше время демистификация общественных отношений является продолжением начавшегося много веков назад преодоления заблуждений человека относительно окружающего его мира, включая природную среду. Пройдет время, и нынешние наши ложные социальные идеи и верования предстанут в своем истинном свете и займут свое законное место рядом с языческими предрассудками. Впрочем, и в нашем веке то здесь, то там возникают очаги фантастического мракобесия. Это и Германия 30-х годов, где в ранг государственной религии возвели расовую теорию и прочую чепуху, это, увы, и наша страна, где не только в сталинские, но и в послесталинские годы велась неутомимая борьба то с одной, то с другой наукой под рубрикой «лже»...

Печальный опыт нашей социологии и других общественных и гуманитарных наук лишний раз подтверждает, что наука нормально не развивается там и тогда, где и когда поиск истины угрожает идеологическим догмам, к которым, правда, часто примешиваются вполне материальные интересы. Очищение же обществоведения от мистики, догматизма, предвзятости, освобождение от указующего перста, чьим бы он ни был,— такое же объективное условие материального и духовного прогресса, как освобождение науки вообще. Только для общественных наук сегодня это куда более актуально, поскольку закабалены они куда более основательно.

— Закабалены — и поэтому не удовлетворяют потребностей общества?

— Именно так, и надо четко понимать, что первично здесь нездоровье общества, а пресловутая «неспособность» обществоведения находить решения различных проблем лишь вторична. Главная болезнь нашего общества теперь, можно сказать, обнародована — недемократичность. К счастью, сегодня уже более чем очевидно, что тоталитарное государство, сталинского или другого устройства, обречено не только на моральное, но и на материальное банкротство. Связь между демо-

кратией и всеми сторонами общественного развития, в том числе экономическим ростом, стала настолько ощутимой, что отрицать ее могут только безумцы. Без демократии общество задыхается, как живое существо без кислорода. И прежде всего, конечно, страдает все, что связано с творчеством, поиском нового, а значит, с сомнением, отвержением общепринятого, так называемыми «крайностями». Разумеется, это относится и к науке, правда, повторю, к разным наукам в разной мере. Естественные науки теперь все-таки редко подвергаются прямым ударам, хотя неизбежно страдают в такой общей атмосфере, которая максимально благоприятствует выдвижению недостойных, коррупции, чиновничьему произволу, некомпетентности, шкурничеству,— в такой атмосфере задыхаются все, кроме только приучившихся питаться и дышать нечистотами.

Впрочем, нет смысла считаться — «кто больше пострадал». Дело не в том, что мы несчастнее самых несчастных, несчастье общее, просто о судьбе нашего обществоведения довольно мало известно, люди плохо представляют реальные условия работы историков, философов, этнографов, экономистов и почему-то склонны думать, что это сама собою, без всяких причин, подобралась тут такая особенно паршивая компания.

— Итак: без демократии нет социологии. А когда нет социологии — тогда чего нет или что не так в обществе? Что общество теряет?

— В последнее время много — и правильно — говорится о том, что социология может и должна активно помогать научному управлению общественными процессами. Но в целом сама постановка проблемы является, по моему убеждению, совершенно неприемлемой. По существу, она выражает лишь новую редакцию прежней концепции социологии — как придворной науки. Классически эта концепция предписывает социологии функции беззаветного служения делу Коммунистической партии в решении задач: а) идеологических, б) управленческих. Причем в рамках указанного двуединства должен строго соблюдаться именно такой порядок: идеология прежде всего. Концепция самая естественная для системы координат, в которой и поэзия существует лишь как средство комвоспитания трудящихся, в которой ничто не обладает привилегией самоценности — кроме комстроительства.

И поныне социологии навязывают роль служанки, когда весь смысл ее существования сводят к снабжению высочайших инстанций управленческой информацией. А смысл этот гораздо шире, я бы даже сказал — выше. Стихи тоже могут играть благотворную воспитательную роль, но беда, если это вменяется в обязанность поэту.

— Не хотите же вы сказать, что социология так же самоценна, как поэзия!

— До этого я еще не дошел, но такая точка зрения неизмеримо ближе к истине, чем та, с которой я спорю. Социология, как любая другая наука, самоценна в том именно смысле, в каком самоценно фундаментальное знание. То есть не для чего-то сиюминутного — «здесь и теперь», но как базисное знание, необходимое для человеческого прогресса.

— О'кей. Но это не мешает объяснить, что она дает обществу, людям? Ведь даже об искусстве можно, например, сказать: удовлетворяет потребность в прекрасном.

— Наука удовлетворяет потребность в знании. Социология — потребность в знании об обществе, о социальной действительности, о законах социального взаимодействия. В этом ее самостоятельная ценность. А как это знание применяется и находит ли вообще какое-то конкретное применение — второй вопрос.

В «словаре перестройки» есть слово, пришедшее к нам в обратном переводе,— «прозрачность». Если не держаться за его исходный смысл, то, по-моему, оно хорошо выражает эффект получения социологического знания. Ведь жизнь общества лишь в сравнительно небольшой степени закрыта из-за политических, административных и иных рукотворных ограничений. Намного обширнее и плотнее непрозрачность, возникающая в силу самой природы социальных связей и взаимодействий, их невероятной сложности и запутанности. Едва ли не каждый день приходится слышать или читать фразу: мало мы знаем о национальных отношениях. Почему? Потому что информация засекречена? И поэтому тоже, но главным образом потому, что эти отношения просто всерьез не изучались, а житейских наблюдений и здравого смысла далеко не достаточно, чтобы в них разобраться.

— Но обычно подразумевается, что, если бы национальные отношения изучались, это помогло бы решить проблему Нагорного Карабаха и другие. Получается, что социологическое знание ценно все-таки не само по себе, а для подготовки управленческих решений.

— Представьте себе, что проблемы Нагорного Карабаха не существует, представьте, что нет в Прибалтийских республиках напряженности в отношениях между коренным и русскоязычным населением, нет вообще нигде причин для каких-либо оперативных воздействий. Разве это значит, что нет предмета исследования? Знать, что и как происходит, все равно нужно, хотя это знание может никогда не пригодиться в качестве непосредственной базы для принятия решений. С другой же стороны, при всей своей любви к социологии я должен сказать, что нельзя предаваться иллюзиям по поводу ее возможностей. Сколько бы мы ни проводили исследований, проблема Нагорного Карабаха не исчезнет. Правда, она не будет такой темной, как сейчас, возможно, удастся смягчить ее остроту, но на чудеса тут рассчитывать не приходится.

Социология позволяет именно прояснить, открыть для взора различные сферы и аспекты социальной действительности. Но видеть и понимать — далеко не то же самое, что вмешиваться. Главное в том, чтобы вмешиваться и действовать со знанием дела.

Далее, вопрос о пользе социологии надо обязательно увязать с вопросом о пользе самого управления. Социология может быть полезна Госплану, Минфину, Совмину, но не полезна людям, обществу. Если управленческое усердие уважаемых ведомств не является общественно полезным, то и роль социологии, работающей на ведомства, едва ли можно признать полезной. Таким образом, ее участие в управлении само по себе не представляет ни малейшей ценности.

Народ имеет право на квалифицированное управление, такое, которое обеспечивает улучшение условий жизни. А управленческая полезность социологии определяется только тем, как она служит осуществлению этого права. Единственно правильный взгляд на власть заключается в том, что она должна служить народу. Правительство и другие институты власти должны обслуживать потребности общества и общественного развития, потребности граждан и социальных групп. Человечество прошло долгий путь, прежде чем осознало ложность, перевернутость додемократических представлений о взаимоотношениях народа и власти. В России всегда считалось святым делом послужить царю и отечеству. Прошли или еще проходят через это и другие народы: высшей добродетелью почиталось служение престолу, вождю, идее, ордену

и т. д. Добродетель бесконечно варьировала и дробилась, развертываясь в сложную многоступенчатую систему, вплоть до служения, допустим, родному колхозу, заводу, цеху, агрегату. В этом проявляется система тотальной власти над народом. Как известно, Сталину удалось довести ее до совершенства. И это при нем были безоговорочно поставлены на службу партии, то есть аппарату, и люди, и науки, и все сущее. Отношение к социологии до сих пор прямо наследует сталинской идеологии. Но пора наконец сказать, что аппарату мы служить больше не должны. Пора поставить вещи на свои места: промышленность, экономика, науки и правительство нужны и имеют оправдание лишь постольку, поскольку служат людям, народу, обществу.

— Вы говорите, с одной стороны, что современное общество немыслимо без социологии, а с другой стороны, что социология, по крайней мере полноценная, немыслима без демократии. Выходит, нашему обществу социология вроде и нужна, и одновременно как бы не нужна.

— С тем же успехом можно сказать, что научно-технический прогресс нам нужен и не нужен, и законность то ли нужна, то ли нет, и очень многое другое. Нетрудно сделать даже такое обобщение: все современное, прогрессивное, передовое у нас и совершенно необходимо, и в то же время оказывается ни к селу ни к городу.

— Приятное открытие!

— Не такое уж открытие... Так или иначе здесь много горькой правды, но есть и искажение, типичное для нашего языка. Это как раз тот случай, когда слова «у нас», «мы», «общество» надо употреблять аккуратно. Обществу социология (технология и т. д.), безусловно, нужна, жизненно необходима. А не нужна она не «нам», не «обществу», а лишь тем сравнительно немногочисленным, но влиятельным группам, которые заинтересованы в сохранении догм, в том, чтобы общество оставалось закрытым, непрозрачным, безгласным, а их власть — бесконтрольной. Именно эти группы привыкли и, к сожалению, имеют возможность говорить от имени общества и решать, что «нам» нужно — исходя при этом из того, что нужно только им, но вовсе не нам.

Так что «нужна и в то же время не нужна» — будь то социология, законность, передовая технология или идея — означает, в сущности, одно: движение вперед нужно обществу, народу, но категорически противопоказано группам, узурпирующим власть народа. И это повод заметить, что общественные интересы и интересы властвующей бюрократии находятся в непримиримом конфликте.

— И вы считаете, что демократизация, перестройка и все, что мы сейчас переживаем,— путь к разрешению этого конфликта?

— Именно так. И кстати сказать, здесь возникает сомнение в адекватности самого термина «перестройка», потому что, во-первых, задача состоит не просто в реконструкции нашего общества и, во-вторых, не к определенному моменту времени (отсюда ожидание завершения этой реконструкции — «когда же закончится перестройка?»). Задача — в создании динамической самоорганизующейся общественной системы, способной к развитию, постоянному обновлению на основе максимального возможного знания о самой себе и окружающем мире и максимально разумном. Задача в демократическом использовании этого знания с учетом интересов всех слоев социальных групп этого общества — субъектов общественной жизни.

— Наверно, есть смысл конкретизировать приметы неблагополучия в нашей социологии. Какими видятся изнутри основные проблемы в ее развитии?

— Им нет числа, но особенно серьезны две, во многом определяющие все остальное. У нас нет сегодня знания социологической теории и почти нет квалифицированных кадров — а какая может быть наука без теории, без специалистов?

Очень серьезно, на десятилетия, отстаем в технической оснащенности, в информационном обеспечении, в организации исследований...

— Простите, Владимир Александрович, а разве не является «мировой уровень» единственно возможным для науки? Не используем ли мы тут эрзац-понятия, порождение сугубо советской семантики? Ведь если наука не дотягивает до мирового уровня, то, наверно, это уже заведомо не наука?

— Согласно классическим представлениям о науке, вы правы. Конечно, мы должны заботиться о приращении знания. Но для этого нужно, как говорят, работать на мировом уровне. Научиться этому и создать все необходимые для этого условия — вот что значит в моем понимании преодолеть отставание от мировой науки.

— Ваше утверждение о неразвитости у нас теории и сравнительной развитости прикладных исследований, я думаю, многих удивит: ведь наши идеологические начальники и их академические прислужники десятилетиями всемерно оберегали нас от опасности «ползучего эмпиризма».

— Эмпирические исследования во многих случаях сами по себе не возбранялись, главный вопрос был в том, какие данные вы получали — «хорошие» или «плохие», «правильные» или «неправильные». Совсем не будет преувеличением сказать, что под трескотню о приоритете правильного классового подхода на деле всячески поощрялся самый махровый, вульгарный, антинаучный эмпиризм, какой не снился и вульгарнейшим из вульгарных на Западе, только с марксистскими фразами.

Принципиальная борьба велась отнюдь не с эмпиризмом, а с правдой, с объективным научным анализом, с честными исследователями. Повторяю, борьба шла — против правды. Самые же неприятные истины, как известно,— общего характера, иначе говоря, теоретические. Страшнее всего правда не по частностям, не по деталям, которые все-таки можно подправить или припудрить, а по самым принципиальным вопросам, лежащим на уровне фундамента, глубочайших оснований наших воззрений на социальный мир.

До самых недавних пор никакой общей социологической теории, кроме истмата, не должно было быть. Иначе говоря, осмысление социальной действительности допускалось исключительно на основе цитат из Маркса — Энгельса — Ленина и последних партийных решений, но ни в коем случае не на основе реальных фактов. Можно сказать, что реальный социализм разрешалось в некоторых аспектах изучать, но категорически возбранялось понимать.

— А что мешало теоретической социологии развиваться в рамках истмата?

— То, что это разные вещи — теоретическая социология и социальная философия. Философия ищет смысл жизни, социологов интересуют конкретные способы жизни в контексте социокультурных условий. И опираются они, в отличие от философов, не просто на опыт и обобщения других наук, а на систематическое наблюдение, изучение и по возможности «измерение» явлений социальной действительности.

При первой же серьезной попытке работы в этом направлении разница между теорией, идущей от фактуальной основы, и догматическим истматом стала очевидной. И к сожалению, привлекла внимание. Состоялось шумное обсуждение «Лекций по социологии» Левады, которое

закончилось разгромом работы и ошельмованием Юрия Александровича. Это позор нашей науки и нашего общества.

Сегодня работу в теоретической социологии надо начинать почти с начала.

— И будем надеяться, история на этот раз не повторится. Но кто еще этим будет заниматься? Хороших социологов у нас мало, а теоретиков, мягко говоря, совсем мало. Факультеты социологии только еще создаются, следовательно, первые выпускники в лучшем случае появятся в 1994 году, и это будут лишь выпускники — выходит, задача будет решаться за пределами текущего столетия?

— Вы мне напомнили Щедрина. Откуда, рассуждает он, берутся дворяне? Из дворян. А мещане? Из мещан. А крестьяне? Да так, сами по себе, из грязи... Вот и у нас: физики — из физиков, биологи — из биологов, а социологи — сами по себе, из философов, экономистов, историков, психологов, математиков. Откуда угодно, но не из получивших специальное образование.

С недавних пор нам стало открываться, что, например, Китай оказался впереди нас в организации социологического хозяйства. Пан Дауйэ, известный социолог из Шанхая, говорил мне, что специалисты рекрутируются из трех источников: старые, дореволюционные кадры; получившие образование в иностранных университетах; самоучки. Наличие первых двух категорий очень важно: они задают тон, уровень мышления и работы, который заставляет подтягиваться и остальных.

Наши дореволюционные социологи, разумеется, едва ли могли бы дожить до этих дней, но если бы они продолжали нормально работать, то все-таки десятки лет помогали бы поддерживать и развивать традиции русской науки. Я не сомневаюсь, что и до сегодняшнего дня это помогло бы сохранить такой уровень социологической культуры, о котором теперь остается только мечтать. Один из крупнейших социологов нашего века Питирим Сорокин был выслан за границу в первые годы Советской власти, в 1922 году. Он очень много сделал для науки, но для науки американской и мировой, а у нас до самого последнего времени от него открещивались.

Уехали, конечно, не все. Алексей Капитонович Гастев исключительно плодотворно работал в области социологии труда, его исследования 20-х годов были вполне на уровне мировой социологии тех лет. В 1938 году он был арестован и вскоре уничтожен физически. Некоторые остались живы, но после дискуссии о марксистской философии и марксистской социологии в журнале «Под знаменем марксизма» для социологии и социологов в нашей стране не осталось места. В той знаменитой дискуссии принимал участие и Бухарин, к сожалению тоже приложивший руку к дискредитации социологии как позитивной науки. Правда, дискуссия была лишь прологом к той первой, довоенной ликвидации социологии, практические меры последовали несколько позже.

С тех пор традиции разрушены до основания, и последние два-три десятилетия тоже никак не способствовали их возрождению. К счастью, сейчас начинают понимать, что продолжать в этом духе нельзя. В этом году у нас открываются первые факультеты социологии, будем посылать молодых социологов на стажировку за границу. В частности, по договоренности между Советской и Американской социологическими ассоциациями семнадцать человек поехали учиться в американские университеты на два года. Двадцать молодых людей прошли конкурс для интенсивных занятий социологией в Великобритании. Приглашены зарубежные специалисты для чтения лекций в университетах и высших социологических курсах.

— По мере того как наше общество становится менее закрытым, мы больше присматриваемся к чужим достижениям. И появляется, в общем, вполне естественный импульс: сделать так же, как и у них. Но во всем ли это реально?

— Накопленное мировой социологией знание о социальных системах мы должны переработать применительно к нашему советскому социалистическому государству сегодня — с его культурной средой, историческим наследием, национальными различиями. Очень важно хорошо использовать мировой опыт, но не менее важно знать и во всем учитывать нашу специфику. Нам поневоле придется использовать модели, созданные за рубежом, в совершенно других условиях. Если мы их возьмем, не адаптировав к своей действительности, последствия могут быть тяжелыми. Допустим, пробуем в Эстонии, в России, в Узбекистане. Очень скоро, я думаю, обнаружится: в Эстонии это работает наполовину, в России не работает, в Узбекистане не работает совершенно и вызывает опасную социальную напряженность.

— Теперь вы — директор главного в стране социологического центра. Но, наверно, Владимир Александрович, вы знаете, что многие ваши единомышленники вам «не завидуют». Правда, вопреки многочисленным мрачным прогнозам обстановка в институте сейчас, кажется, в вашу пользу. Но все-таки, хотя Руткевича сняли десять лет назад, остались его люди, не выветрилась созданная им атмосфера.

— Вы знаете, я не собираюсь бороться с людьми, это вообще порочный путь. Борьба, конечно, идет и не скоро закончится. Но смысл ее вовсе не в том, чтобы победить каких-то людей, а в том, чтобы изменить условия, в которых они работают. Так изменить, чтобы изменились и люди, если они на это способны, а если не способны — чтобы поняли, что в науке для них не должно быть места.

— Но это, наверно, проще сказать, чем сделать?

— Я верю, что мы это сделаем, точнее, уже делаем. Вопреки расхожему мнению труд в науке вполне поддается реальной оценке, и его качество, и количество. Это, собственно, нам и надо сделать. Надо переходить на современную систему организации и финансирования науки, у нас она позавчерашняя. Надо вернуться к идеям, на которых работу института пытались строить при его создании, в 60-х годах. Тогда в нем работали почти все наши лучшие социологи, политологи, историки. Это надо как-то восстанавливать. Ушли такие люди, как Левада, Шубкин, Грушин, Кон, Карпинский, Бурлацкий, Галкин, большинство в результате прямой травли.

— Собрать в институте прежнюю блестящую команду теперь будет, наверно, трудно?

— Не обязательно, чтобы все получали зарплату в нашем институте. Формы сотрудничества могут быть самыми разными. Важно, чтобы институт вернул себе позиции живого научного центра. Но, конечно, определенные кадровые приобретения мы тоже хотели бы сделать. Особо ценными я считаю приобретения даже не сугубо профессиональные, в ремесленном смысле, а создающие нужную интеллектуальную атмосферу. Людям, которые на это способны, я легко бы простил и неумение работать с компьютером, и незнание техники социологических опросов. Мы приглашаем к нам на работу Роя Медведева и, видимо, будем приглашать других несоциологов.

Сейчас для нашей социологии пришло время возрождения и, больше того, подлинного становления. Состоится ли то и другое, повторяю, зависит от того, состоится ли становление общества в качестве демократического и подлинно цивилизованного. Но и становление общества отчасти зависит от того, как будут идти дела в социологии.

«ЧЕРНАЯ КНИГА»: ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Публикация
кандидата исторических наук,
заведующего отделом ЦГАОР СССР
Ильи АЛЬТМАНА

В известной книге «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург вспоминал: «В конце 1943 года, вместе с В. С. Гроссманом, я начал работать над сборником документов, который мы условно назвали «Черной книгой». Мы решили собрать дневники, частные письма, рассказы случайно уцелевших жертв или свидетелей того поголовного уничтожения евреев, которое гитлеровцы осуществляли на оккупированной территории. К работе мы привлекли писателей Вс. Иванова, Антокольского, Каверина, Сейфуллину, Переца Маркиша, Алигер и других. Мне присылали материалы журналисты, работавшие в армейских и дивизионных газетах, сотни фронтовиков.

Немало времени, сил, сердца я отдал работе над «Черной книгой». Порой, когда я читал пересланный мне дневник или слушал рассказ очевидцев, мне казалось, что я в гетто, сегодня «акция» и меня гонят к оврагу или рву.

...«Черная книга» была закончена в начале 1944 года. Я поместил в «Знамени» несколько отрывков. Наконец книгу отпечатали. Когда в конце 1948 года закрыли Еврейский антифашистский комитет, книгу уничтожили.

В 1956 году один из прокуроров, занятый реабилитацией невинных людей, приговоренных Особым совещанием за мнимые преступления, пришел ко мне со следующим вопросом: «Скажите, что такое «Черная книга»? В десятках приговоров упоминается эта книга, в одном упоминается ваше имя».

Я объяснил ему, чем должна была быть «Черная книга». Прокурор горько вздохнул и пожал мне руку».

Неудивительно, что об этой книге ничего не было известно тогда. Но тридцать с лишним последующих лет тоже ничуть не продвинули нас в знании о ней. Мемуары Эренбурга, вышедшие в 60-х годах, остались едва ли не единственным доступным и внятным свидетельством о «Черной книге», отразившей трагедию миллионов людей и рикошетом отразившейся на судьбах десятков и сотен...

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей документ, проливающий еще один луч света на историю создания «Черной книги».

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ ЕВРЕЙСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО КОМИТЕТА (ЕАК) 25 АПРЕЛЯ 1946 ГОДА[1]

т. Гроссман:

Задача довольно сложная: большинство присутствующих книгу не читали, а обсуждать непрочитанную книгу нельзя.

[1] Хранится в ЦГАОР СССР (ф. 8114, оп. 1, д. 967), публикуется с сокращением повторов и плохо расшифрованных мест.

Я прежде всего напомню историю возникновения нашей литературной комиссии и некоторые этапы ее жизни.

Весной 1944 г. под председательством Ильи Эренбурга была создана литературная комиссия по подготовке к изданию «Черной книги». Эта литературная комиссия собралась здесь, в комитете, тогда присутствовал покойный т. Эпштейн[1], и обсуждала вопросы общего порядка, касающиеся целей издания, характера материала. Бродили в некоторой степени впотьмах. Тогда же встал вопрос о создании аппарата комиссии. Спустя некоторое время аппарат был создан. В состав комиссии входил председатель, ответственный секретарь, референт-переводчик и секретарь-машинистка. Аппарат очень скромный по числу участников. Насколько я слышал, в Америке занимается этим делом половина сотрудников института. Здесь же на плечи нескольких товарищей легла немалая работа.

К тому времени комиссия уже располагала некоторым количеством материалов. Были главным образом письма и описания, которые получил Эренбург с освобожденных войсками территорий, и материал, имеющийся в комитете, в частности, очень интересный дневник Шавельского гетто и материалы о Минске. Все эти материалы носили случайный характер, поступали стихийно и поступали из тех мест, которые были освобождены Красной Армией и налаживали связи с Москвой.

Было решено пополнить этот материал, для этого было составлено типовое письмо и разослано нескольким десяткам корреспондентов с просьбой писать о всех материалах, касающихся убийства евреев. Однако все эти письма, в подавляющем большинстве, остались без ответа. Это первый период существования комиссии.

Затем, если уж говорить о всех внутренних перипетиях, произошел конфликт между Эренбургом и комитетом, который возник в связи с тем, что был послан в Америку материал без согласования с комиссией. По этому поводу был поднят разговор у т. Лозовского[2]. Два раза заседала созданная Лозовским комиссия, которая рассматривала это дело. В этот период т. Эренбург отказался от председательствования в комиссии, и это председательствование взял на себя я.

По прошествии некоторого времени т. Лозовским была создана комиссия по приему «Черной книги». Комиссию эту возглавлял т. Бородин[3], в состав комиссии входили тт. Трояновский[4], Юзефович[5], Северин. Комиссия прочитала «Черную книгу» и доложила т. Лозовскому свое мнение, мнение было благоприятным. Товарищи решительно высказались за печатание книги. Замечания сводились к отдельным частностям. Однако книга не издавалась, а материал продолжал прибывать, и материал такого характера, от которого мы ни в коем случае не могли отказаться. Наконец книга была скомплектована и вступила в новый период своей жизни — в стадию редактирования. <...> Пройдя и этот этап, она была передана издательству «Дер Эмес», которое взялось ее издать. Книгу читал Главлит, дал разрешение на печатание этой

[1] Ш. Эпштейн — ответственный секретарь Еврейского антифашистского комитета в 1941—1945 годах.

[2] С. А. Лозовский (1878—1952) — заместитель министра иностранных дел СССР, заместитель председателя Совинформбюро, курировал Еврейский антифашистский комитет. Арестован по делу ЕАК в 1949 году, расстрелян в 1952 году.

[3] Бородин М. М. (1884—1951) — советский партийный деятель, редактор газеты «Москоу Ньюс».

[4] А. А. Трояновский (1882—1955) — советский дипломат, в 1946 году сотрудник Совинформбюро.

[5] И. С. Юзефович (1890—1952) — советский профсоюзный деятель, член президиума ЕАК. Арестован и расстрелян по делу ЕАК.

книги и отнесся к ней положительно. Вот примерно история этой книги.

Теперь о финансовой стороне дела. В течение этого времени было израсходовано 143 тысячи рублей, из них — 38 тысяч уплатили авторам, 36 тысяч — литобработчикам, рецензентам, редакторам и 68 тысяч — машинисткам, стенографисткам, фотографам, переводчикам и т. д. Последняя статья расхода настолько велика, это связано с тем, что нам приходилось многократно перепечатывать книгу, так как она была послана во многие иностранные государства, было примерно напечатано 13—14 тысяч страниц. Фотографии нам тоже дорого обошлись, потому что пришлось сделать шесть комплектов фото, затем расход на переводы. Я примерно подсчитал стоимость авторского листа: по авторскому гонорару мы затратили около 1800 рублей за лист — это минимальная стоимость оплаты. Но в некоторых случаях я сознательно шел на повышение оплаты людям особенно нуждающимся, перенесшим оккупацию и в большинстве своем тяжело больным.

Задачи комиссии в том виде, в каком она функционировала, были очень разнообразны: организация материалов (авторы были разбросаны в разных местах), потом розыски людей, связь с ними, получение от них материалов. Мы материалы получали не самотеком, а из тех мест, которые были нам нужны. Затем литературная обработка этих материалов, редактирование. Приходилось заниматься подбором иллюстраций. За последнее время установилась тесная связь с издательствами, так как уже есть корректура. Работа была большого масштаба и объема.

Я считаю своим долгом выразить свою благодарность Р. А. Ковнатор [1], которая всегда с энтузиазмом относилась к нашему делу, и нашему секретарю т. Богомолец, которая работала с первых дней работы комиссии.

Вот примерно те рамки, в которых протекала наша работа.

Теперь я хочу познакомить товарищей с содержанием книги. Я себе ставил задачу такого рода: дать объективную картину того, что произошло с евреями на оккупированной территории. Мне кажется, что эта задача огромной важности почти выполнена. Человечество обладает немалым числом пороков, одним из этих пороков является забывчивость и легкомыслие. Трагедия, которая происходила и запечатлелась в мозгу и сердце, постепенно начала забываться, и откладывать создание «Черной книги» нельзя было потому, что немногие уцелевшие люди, после перенесенных мук, в большинстве своем очень хрупки и недолговечны. Зачастую их дни уже сочтены, кроме того, многие из них разъезжаются в разные стороны. Мы встретились с тем, что событие, которого по масштабам и жестокости еще не знало человечество, испарялось «яко дым» в памяти людей, потому что никаких явных следов не осталось.

Вторая задача, которую мы ставили перед собой, это сбор материалов, которые послужили бы обвинением против немецких фашистов в том, что они совершили. Вот почему я взялся за эту тяжелую и, я бы даже сказал, мучительную работу.

Мы ставили себе еще две задачи — в океане горя и зла выявить светлую струю, которая выражалась в той дружеской помощи, которую оказывали евреям украинцы, русские и белорусы, и второе — осветить движение сопротивления, которое возникло по отношению к оккупантам среди обреченных. Сопротивление, которое почему-то многие не

[1] Р. А. Ковнатор — советская писательница.

хотят замечать и огулом считают, что евреи подобно баранам шли на смерть. Вот и эти два момента мы хотели запечатлеть в нашей книге.

Вначале у нас возникло довольно серьезное опасение: хотя материалы потрясают душу, но все они однообразны. Однообразие материалов определяется единообразием немецких действий. Расправа шла по заранее определенному и обдуманному плану, и потому возникло опасение, что вся книга будет состоять из повторения одной и той же истории и что нельзя будет прочитать все это, как нельзя прочесть 100 раз один и тот же рассказ. В действительности все это оказалось не так. Книга читается с постоянным интересом. Это объясняется прежде всего тем, что в книге мы дали целый ряд человеческих судеб. Человеческая трагедия рассказана устами женщин, детей, стариков. В целом ряде материалов речь идет в спокойной, повествовательной манере, в ряде других случаев — это крик человеческой души. Так создается многогранность и многообразие, которые делают возможным чтение книги в целом. Кроме того, действие происходит в городах, местечках, лагерях, лесах и т. д. И наконец, сыграло роль крайнее разнообразие размера материалов. Есть сообщения в 10—15 строк, имеются сообщения объемом в 4—5 печатных листов, например Суцкевера. Мне кажется, что книгу можно прочесть от первой до последней страницы. Вот несколько слов о характере книги.

Теперь я хочу сказать несколько слов об авторах и степени их участия в работе. Чтобы поднять тяжесть работы, пришлось привлечь целый ряд людей. Я считаю, что нужно огласить их фамилии: Апресьян, Гольдберг, Гехман, Елин, Ковнатор, Трайнин, Осип Черный, Эрлих, Шамбадал... Сообщений свидетелей и очевидцев — свыше 200, это люди самых разнообразных профессий и различных возрастных категорий. Среди них имеются рабочие, художники, скульптор, священник, крестьяне, врачи и т. д. Среди них есть украинцы, белорусы, поляки, но в большинстве авторы сообщений евреи.

Характер участия в книге и характер работы нашего авторского коллектива был разнообразен. В основном автор сообщения сам писал материал, затем материал обрабатывался (стенограммы, письма). В зависимости от этого мы делаем сноску: автор статьи или очерка, литературная обработка, подготовил к печати. Степень участия в работе также различна. Наибольшее участие приняли тт. Эренбург, Савич, Дерман, Ковнатор. Были товарищи, которые сделали только один материал, но они продемонстрировали свое отношение к работе, и нам это было очень приятно... Теперь я хочу сказать о литературном жанре книги, задуманной нами. В первую очередь очерки — общая картина событий на протяжении всей трагедии. К числу таких надо отнести работу Суцкевера, затем очерки Веры Инбер, Б. Марка, Смоляра, Гехмана о Риге и Браилове и др. Второе — это стенограммы бесед. Люди приходили в комитет, рассказывали о пережитом ими, этот рассказ подвергался литературной обработке, это трудоемкая работа. У нас имеется, например, рассказ доктора Гольдфайн, которую чудесным образом спасла польская монахиня, путешествовавшая с ней, причем доктор Гольдфайн была переодета монахиней; рассказ московского инженера Юлия Фарбера о Понарах, где он вместе с другими заключенными сжигал трупы расстрелянных немцами; рассказ Шиндер-Войсковской о Белостоке и т. д. Затем идут письма — писем этих около 40, они очень различны, среди них письма потерпевших, письма свидетелей. Среди них есть очень короткие письма, например, письма Златы Вишнятской и ее маленькой дочери, которые пишут в Америку мужу и отцу.

Большой интерес представляют дневники. Это дневник Сарры

Глейх, которая написала о Мариупольской трагедии, дневник доктора Бувидайте-Куторгиене, он написан человеком с высокой, чистой душой. Доктор Бувидайте-Куторгиене — литовский врач, интеллигентка в самом высоком смысле этого слова. Нельзя читать без волнения ее дневник. Затем дневник скульптора Риваша, этот человек безусловно обладает недюжинной способностью передавать то, что он видел и чувствовал. Затем шавельский дневник Ерушалми. И наконец, новый раздел — протоколы опросов и допросов, это материалы, переданные Чрезвычайной государственной комиссией[1]. Должен сказать, что эти материалы меня несколько разочаровали, может быть, мы виноваты в том, что не смогли найти в архивах Чрезвычайной государственной комиссии нужных материалов. Там имеются допросы немцев-свидетелей, немцев-антифашистов. Затем показания самих исполнителей казни — немцев-палачей. К такого рода сильным материалам принадлежит допрос немецкого агента — капитана Залога, который с точностью и скрупулезностью описывает убийство евреев в Каменец-Подольском. Затем нами помещены допросы и опросы, которые вел генерал-полковник Бурденко[2]: евреев, белорусов и русских, находившихся в лагерях. Затем документы, документами мы не можем похвастаться, их очень мало. Интересен отчет 15-го полицейского полка о расстреле в Пинске. Отчет написан с немецкой пунктуальностью и обстоятельностью. Там упоминается, например, о служебной собаке Асте, по словам отчета, замечательно оправдавшей себя. Там настойчиво рекомендуется привлекать детей к раскрытию и указанию укрытий, надо обещать им конфеты, за конфеты дети будут выдавать.

Затем идут материалы общего характера. Это предисловие, написанное мною, и статья академика Трайнина[3], предваряющая последний раздел книги. Всего в книге 42—43 авторских листа. Мы много думали о расположении материалов. Я раскладывал материалы и так, и эдак, и в шахматном порядке на полу комнаты и пришел к выводу, что ее надо строить по географическому принципу — по республикам: 1) Украина, 2) Латвия, 3) Литва и т. д. Затем есть раздел «Советские люди едины», раздел «Лагеря уничтожения» и, наконец, документы Чрезвычайной государственной комиссии, всего 10 разделов.

В книге 118 материалов. Нам удалось дать описание ужасных событий в следующих крупных городах: Львов, Минск, Вильно, Киев, Рига, Кишинев, Симферополь, Белосток, Ростов, Каунас, дальше идут меньшие города: Шяуляй, Брест, Ялта, Кисловодск, Минеральные Воды, Краматорск, Бердичев, Каменец-Подольский, и затем местечки и села Белоруссии и Украины, я их не буду перечислять — они очень многочисленны. В раздел «Лагеря уничтожения» входят Собибур, Освенцим, Треблинка, Понары, Хорольский лагерь, Клоога. Понары описаны в статье Ю. Фарбера, Освенцим в статье Цирульницкого. Майданек к нам не вошел не по нашей вине. Симонов обещал дать статью и не дал, несмотря на все наши попытки ее получить. О сопротивлении мы говорим в специальных статьях, это материалы — Каунас, Белосток, восстание в Варшавском гетто, которое я включил по тем соображениям, что оно может наполнить гордостью каждое еврейское сердце. Этот материал показывает, как героически и мужественно сражались люди в

[1] Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории СССР (ЧГК).

[2] Н. Н. Бурденко (1876—1946) — главный военный хирург Советской Армии, академик, первый президент АМН, член ЧГК.

[3] И. П. Трайнин (1886/87—1949) — советский юрист, академик, член ЧГК.

Варшаве. Это восстание было связано с вывозом в лагерь смерти — в Треблинку. Варшава не есть советская территория, так же как Освенцим, Треблинка и Собибур. Но ведь в польские лагеря немцы свозили советских людей. Затем раздел «Советские люди едины». Это раздел о дружбе и поддержке, которая была оказана евреям. Не буду перечислять фамилий, хотя это бы и следовало сделать. У нас представлены люди самых различных социальных категорий: офицеры, крестьяне, учителя, ксендз, священник.

Теперь хочу сказать, что, по примерным подсчетам, в тех местах, о которых говорится в наших материалах, и по 14 городам, которые я перечислил, было убито примерно 800 тысяч человек, затем в лагерях Треблинке, Освенциме, Майданеке... Т. е. книга повествует о гибели примерно 5 миллионов человек. Это 5 миллионов человек из тех 6 миллионов, которые называют. Книга охватывает материал в тех пределах, которые нам были доступны.

Хочу закончить словами о том положении, которое существует сегодня. Прежде всего, вторая цель, которую мы ставили перед собой, достигнута. «Черная книга» послужила материалом для обвинения. К нам обратился прокурор, вылетавший на Нюрнбергский процесс, мы встретились с прокурором Смирновым, который взял с собой всю «Черную книгу» и подлинные документы, он прочел ее и сказал, что книга, с его, прокурорской, точки зрения, производит очень сильное впечатление, она ему будет полезна. Наш автор (Суцкевер) выступил свидетелем на процессе. Он говорил 38 минут.

Хотелось бы, чтобы книга осталась памятником погибшим в нашей стране и во многих других странах. В связи с этим книга была послана в 10 государств (она была послана перепечатанной на машинке). Мы имеем сведения, что в Париже книга принята к изданию и издается. В Бухаресте издается в двух изданиях — в популярном и роскошном издании, на великолепной бумаге, прекрасно оформленная. Потом мы получили из Софии подтверждение <...> что ее приняли к изданию и издают. Из других стран сведения пока не поступили, но я надеюсь, что скоро и там ее начнут издавать.

Наконец последнее, я бы сказал, самое важное — об издании книги в Москве. Книга принята издательством "Дер Эмес", прошла все предварительные стадии, не без трений, в которых частично мы виноваты. Были набраны гранки и подвергнуты корректуре. Сейчас набрано уже 27 листов.

Мы познакомились с американским изданием «Черной книги». Американская книга повествует о том, как готовилось преступление, повествует весьма интересно, обстоятельно. <...> А наша книга о том, как преступление было осуществлено. Американская книга касается таких государств, как Дания, Бельгия. Об этом, конечно, интересно прочесть. Но если мы вспомним, что в Дании живут 6 тысяч евреев и в Бельгии — в этом роде, то мы поймем, что удельный вес этого события совершенно ничтожен по сравнению с той катастрофой, которая произошла у нас.

т. Фефер[1]:

<...> Я хочу коснуться внешней политики «Черной книги». Нужно сказать, что вопрос об издании «Черной книги» возник задолго до возникновения литературной комиссии. Этот вопрос возник по инициативе Альберта Эйнштейна. В конце 1942 года мы получили телеграмму от

[1] И. С. Фефер (1900—1952) — еврейский советский поэт, член президиума ЕАК. Расстрелян в 1952 году по делу ЕАК.

Альберта Эйнштейна, Шолома Аша и Гольдберга[1] с предложением приступить к сбору материалов по изданию «Черной книги». Мы поставили вопрос об этом, но дело двигалось очень медленно. Мы не знали, надо ли создавать «Черную книгу», посвященную исключительно зверствам немцев над еврейским населением. Этот вопрос был решен только в 1943 году.

Когда мы были в США, об этом опять был поставлен вопрос Альбертом Эйнштейном, мы послали ряд телеграмм в Москву, чтобы разрешить этот вопрос как можно скорее. <...> После длительных телеграфных переговоров мы получили санкцию из Москвы, было разрешено приступить к изданию «Черной книги». У нас в Москве работа тормозилась, в Америке они быстро приступили к работе. Работа у нас тормозилась потому, что она с самого начала была плохо организована. <...> По-настоящему работа началась тогда, когда Василий Семенович взялся за это дело. <...> Еще при т. Эренбурге возникло две линии. Тов. Эренбург считал, что мы должны готовить книгу о немецких зверствах на советской территории, а мы считали, что нужно издавать книгу о зверствах немцев всюду, где они только находились.

Мы получили телеграмму от Громыко[2] из Америки о том, что необходимо срочно прислать материалы «Черной книги», иначе «Черная книга» выйдет в Америке без русских материалов. Мы должны были послать в Америку целый ряд материалов, еще недостаточно обработанных. Помимо этого возникло еще другое затруднение. Предисловие к американскому изданию «Черной книги» должен был написать Альберт Эйнштейн. Когда он написал предисловие, он его прислал сюда к нам, чтобы мы высказали свое мнение. Когда мы получили это предисловие, мы, несмотря на наше уважение к Альберту Эйнштейну, не могли с ним согласиться, мы послали ответ о том, что необходимо внести кое-какие изменения. Нам было неудобно связываться непосредственно с Эйнштейном, мы связались с американским комитетом по этому поводу. Альберт Эйнштейн пошел на уступки и внес поправки, но все равно пришлось снять предисловие Эйнштейна, несмотря на то, что оно было уже набрано. <...> Но с Эйнштейном отношения не испортились. Эйнштейн выступил в Америке на громадном митинге в 25 тысяч человек. Произнес очень хорошую речь. <...>

Потом мы получили американский вариант «Черной книги», который пришлось еще переводить на русский язык. <...> Мы решили, что в таком виде издавать ее нельзя. Надо снять первую главу, в которой написано, что уничтожение евреев не новое дело, оно продолжалось в течение двух тысяч лет, и немцы только продолжают это дело. Потом там был целый ряд высказываний римского папы относительно Христа, является ли он евреем, и т. д. Нам это тоже пришлось снять. После того как Василий Семенович познакомился с этим вариантом, внес свои замечания и поправки, они были отправлены в Америку. Мы предложили Америке считать их книгу первым томом, а нашу книгу — вторым томом. Книга уже продавалась на митинге в Нью-Йорке.

т. Гроссман:

Теперь несколько слов о фотоснимках. Объективно оценивая эти снимки, надо сказать, что они не на уровне материалов. К сожалению, наши возможности были ограниченны. С нашей стороны было сделано

[1] Руководители американского Комитета еврейских писателей, артистов и ученых, активно сотрудничавшего с ЕАК в годы войны.

[2] А. А. Громыко (1909—1989) — советский государственный и партийный деятель, в 1943—1946 годах посол СССР в США.

все, что возможно. Эти снимки можно разделить на две категории: наши снимки — это раскопанные могилы, трупы, и второе — это снимки, которые взяты у немцев, они представляют большой интерес. Имеются у нас снимки сцены массового расстрела, немцы методично засняли, шаг за шагом, как людей ведут на расстрел, привозят их к месту казни и расстреливают на краю ямы. Затем у нас имеются снимки вещественных доказательств: стелька сапога из свитка торы, которую немцы носили в сапогах; документы, выдаваемые немцами; рабочие номера; звезда Давида, которая снята крупным планом. Имеются снимки соски, ботинка детского, которые я нашел в Треблинке.

т. Стронгин[1]:

Я получил в гранках около 25 листов. Этот материал неодинаков. Есть более сильный, есть более слабый, в зависимости от людей, от того, как они это запечатлели на бумаге, но в целом материал читается с большим интересом. <...> Это издание обеспечено хорошей финской бумагой — мы получили два вагона этой бумаги и намечаем минимальный тираж — 25 тысяч. Этот тираж очень мал. Когиз предложил издать сначала часть, а мы настаиваем, чтобы книгу отпечатать сразу тиражом в 25 тысяч, а потом отпечатать остальное. Сейчас трудно получить возможность все напечатать.

Я прочел весь этот материал и могу сказать, что спать после этого материала нельзя. Я считаю, что нет надобности давать фото в большом количестве, надо давать только самые впечатляющие. Эта книга выходит сейчас на русском языке. На еврейском языке мы издаем материал не в том виде, в каком он был. <...> Все материалы на еврейском языке выходят отдельными книгами, но в большем объеме. У нас нет физической возможности издавать книгу на еврейском языке.

т. Михоэлс[2]:

Эта книга должна иметь силу документа. Суцкевер, когда он в контексте «Черной книги», звучит как обвинительный акт, а книга Суцкевера, выходящая отдельно, звучит как личные переживания одного человека. Это для нас политически вредно и недопустимо. <...>

Сейчас надо поставить вопрос об издании книги на еврейском языке. Кроме того, имейте в виду, что эта книга идет за границу, и всюду она будет издана на еврейском языке, везде, кроме нашей страны, этого нельзя допустить.

т. Ковнатор:

<...> Эта книга говорит устами тех, кто лежит в земле, в ней сосредоточено громадное количество человеческих страданий. Мне кажется, что никакой документ не обладает такой силой человеческого воздействия, которой обладает наша книга. Материалы Нюрнбергского процесса не заменяют ее. Там имеются сильные, искренние документы. Есть очень сильное письмо от Рахиль Фрадис-Мильнер, она чудом осталась жить. К этому письму имеется фото ее сына Шурика Мильнера и Поли Медвецкой, простой русской женщины, которая его спасла. <...> К Василию Семеновичу (Гроссману — И. А.) недавно приходила одна женщина, которая чудом спаслась. Она дала адрес людей, которые спасали евреев. Есть такие, которые присылают нам бесконечное множество материалов. <...> Мы единственные, которые могут сохранить их голос.

[1] Л. И. Стронгин — директор издательства «Дер Эмес» при ЕАК, был репрессирован в конце 40-х годов.

[2] С. М. Михоэлс (1890—1948) — советский актер и режиссер, возглавлял Еврейский антифашистский комитет.

т. Михоэлс:

Я хочу отметить, что сообщение Василия Семеновича исключительно интересно и очень обстоятельно. Вы определяете значение книги как памятника, но это не только памятник, это очень действенный документ. Эта книга должна служить для активных действий, для политических шагов, я имел в виду только это замечание. Будут отдельные памятники — маленькие и большие. <...>

Мы должны отметить огромную работу, которую проделал Василий Семенович, о чем он из скромности молчит. Это огромный исторический труд. Также нельзя не отметить работу т. Ковнатор и т. Богомолец.

Сегодня мы должны выразить свои пожелания о том, что книга должна появиться на еврейском языке. Мне кажется, что именно у вас, Лев Израилевич (Стронгин — И. А.), существует недооценка этого дела. Очень хорошо, что книга будет издана за границей в качестве второго тома. Что касается нас, то мы должны, очевидно, поставить вопрос о продолжении этой работы, чтобы охватить весь документальный материал. У меня имеется совершенно новый материал из Риги. Есть некоторые кавказские материалы, совершенно новые. Из того, что прибыло за прошлое время, не все еще использовано.

т. Гроссман:

Я считаю, что эту работу нужно продолжить. Я говорил об этом Лозовскому. Об этом надо, однако, договориться твердо и определенно. Пока книга не будет лежать на столе, работа наша будет необходима. Но и после выхода книги должен быть в комитете специальный человек, собирающий материал. <...>

т. Михоэлс:

Разрешите вас поблагодарить за работу, вами проделанную, и закончить наше заседание.

Работа над «Черной книгой» продолжалась. В августе 46-го грянуло печально известное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», а затем и другие, не менее свирепые. «Пессимизм» и «уныние» объявлялись вне закона. Как писал Борис Пастернак: «...времени коснулась порча // И горе возвели в позор, // Мещан и оптимистов корча». На печальные страницы неудержимым потоком потек густой лак; пафос заслонил действительную историю войны. Напоминания о миллионах погибших, просчетах и поражениях стали неуместны, несовременны, а потому — преступны.

В январе 48-го в Минске был убит Соломон Михоэлс, за этим последовало закрытие руководимого им Еврейского театра, газеты «Эйникайт» и издательства «Дер Эмес». Был распущен и Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), и многие его члены арестованы: часть из них была сослана, часть — крупнейшие писатели, ученые, общественные деятели — в августе 52-го расстреляна. Закончила свое существование и «Черная книга» — ее набор был рассыпан.

Многие годы она считалась безнадежно утраченной. Лишь недавно писатель Д. Гай обнаружил в домашнем архиве ее неполный экземпляр, о чем сообщила «Вечерняя Москва» в феврале этого года. Вместе с тем в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) сохранился обширный фонд ЕАК, в составе которого 27 объемистых томов с подготовительными материалами и подлинными документами, собранные составителями «Черной книги». Так что она может быть полностью реконструирована.

Шод Муладжанов

«ПРОГРЕСС» — ЛЕКАРСТВО ИЛИ ПРИПАРКИ!

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КОМПЛЕКСНОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ

Вы верите в астрологию! Признаюсь, сам никогда не входил в число ее поклонников. Не стану убеждать и в том, что вполне верю так называемым «научно обоснованным прогнозам». Не потому, что сомневаюсь во всемогуществе науки. Но — опыт сильнее общих соображений. А прогнозы, которыми нас потчевали как официальные органы, так и отдельно взятые экономисты, вплоть до облеченных самыми высокими титулами и званиями,— не выдержали проверку временем. И каким временем — не веком, не полувеком... Нам обещают рост, оказывается спад; нам сулят недостачу одного, а этого-то как раз хватает, зато исчезает из пределов досягаемости совсем другое. Рецепты интересовали нас давно, поскольку болезнь экономики, инфраструктур социальной сферы назревала все очевиднее. Но потом нас вроде бы уверили, что надо просто ускориться да не разбрасывать добро направо-налево. Потерпим чуток и — прорвемся. Потом вдруг вошел в моду почти переставший быть анекдотичным вопрос: «Если Запад стоит на краю гибели, зачем мы его догоняем-то!» После чего все активнее стала муссироваться такая тема: «Надо ли ускоряться, если движемся в неверном направлении!» И потом...

В общем получили то, что имеем сегодня. Не будучи экономистом, остерегусь делать прогнозы, заглядывать в научные дали, предлагать собственные варианты выхода из нынешних многочисленных тупиков и тупичков. Просто погляжу попристальнее на главы документа, ставшего одной из наиболее практичных, приземленных, а потому и осуществимых, кажется, программ вывода экономики хотя бы отдельно взятого региона на более или менее приличные позиции.

Итак, минувшей весной Политбюро ЦК КПСС рассмотрело сформированную по инициативе Московского горкома партии комплексную территориально-отраслевую программу «Прогресс-95». Отметив важность ее, Политбюро рекомендовало Госплану СССР, министерствам и ведомствам учесть названные в программе показатели при разработке планов развития народного хозяйства начиная с 1990 года. Охарактеризуем для начала документ, используя официальные источники. По мнению авторов, «Прогресс-95» дает комплексное решение проблем социально-экономического развития Москвы в тринадцатой пятилетке на основе взаимодействия и координации усилий министерств, ведомств, районов города и трудовых коллективов. Предусмотрено приоритетное развитие социальной сферы, осуществление задач Продовольственной программы, обеспечение трудящихся жильем, улучшение бытового обслуживания и здравоохранения.

Жизнь приучила нас осторожно, если не сказать скептически, относиться к разного рода долговременным программам и проектам. Упомянутая только что Продовольственная, равно как и Энергетическая, и некоторые другие программы, так и не принесла желанных перемен, не оказала заметного общественности влияния на состояние со-

ответствующих сфер народного хозяйства. Известно и то, как неоднозначно реализуется аналогичная «Прогрессу» ленинградская «Интенсификация», как неудачно складывалась судьба других региональных программ, которые пытались принять и исполнять некоторые крупные области и города.

В чем тут дело? Не вышли на достаточно высокий уровень экономического мышления, социального и хозяйственного прогнозирования разработчики? Или вообще подобные программы обречены на неудачу в нынешней обстановке?

Не станем спешить с выводами. Мне довелось беседовать со многими специалистами, причастными к появлению «Прогресса-95». Горячего энтузиазма с их стороны я не заметил. Но и пессимистического равнодушия тоже. Академик С. Ситарян, например, обратил внимание на такое обстоятельство: даже не вполне реализованные планы, имеющие под собой четкую научную базу, опирающиеся на смелые идеи, прогрессивные формы организации работы, всегда приносят немалую пользу. Они если и не решают глобальную проблему целиком, то, во всяком случае, заметно сдвигают с места громадный валун косности, консерватизма в системах планирования, управления. Это крайне важно — под лежачий камень, как известно, вода не течет.

Но пора, видимо, пойти по страницам гигантского научно-практического труда, каковым, без сомнений, можно назвать программу «Прогресс-95». С чем мы сталкиваемся уже в самом начале и что убавляет пессимизм нейтрального исследователя? Программа не объявляется панацеей, не носит безоговорочно диктаторского характера, каковым страдали многие ее предшественники. Нет в этом документе и намека на благодушное шапкозакидательство. Да и до него ли!.. Какую сферу ни возьми — масса запущенных проблем, не решаемых десятилетиями «больных» вопросов. Можно ли, к примеру, ждать серьезных перемен в уровне производительности труда на предприятиях столицы, если из «среднестатистической» сотни единиц установленного на них оборудования менее трети «моложе» пяти лет. Зато 13—14 — старше 20 лет. Не будем сравнивать темпы обновления основных фондов с японскими, американскими или западногерманскими. А отметим хотя бы такую деталь: во многих регионах страны удалось уже выйти на вполне пристойные темпы и избавиться от «музейных экспонатов» в цехах. Московская индустрия — в частности, легкая, пищевая — выглядит архаично даже на фоне соответствующих отраслей.

И «Прогресс-95» намечает четко очерченные пути для того, чтобы не просто привлечь машиностроителей, ученых и конструкторов, руководство отраслей к решению проблем столичных предприятий. В программу заложены экономические рычаги, которые делают обновление оборудования менее болезненным процессом, поощряют тех, кто спешит освоить современные технологии. Особенно это заметно в той части документа, где идет речь о выпуске товаров народного потребления. Мы давно уже сетуем на потерю авторитета московской марки — может, свершится его возвращение!

Безусловно, для технического переоснащения индустрии города необходима взвешенная и одновременно смелая инвестиционная политика. Программа отвечает такому требованию. Предусмотрено значительно — до 60% — увеличить долю затрат на техническое перевооружение и реконструкцию в общем объеме капвложений производственного назначения в промышленности. А для машиностроения эта доля еще весомее — 87%. Это позволит ежегодно обновлять до 12—15% активной части основных фондов. Соответственно появится мощная база

для повышения производительности труда, технического и эстетического уровня продукции. Наконец условия работы тысяч и тысяч москвичей станут соответствовать уровню конца XX века. Пока ведь многие наши текстильщики да литейщики трудятся, как их прадеды...

Очень серьезными выглядят показатели, заложенные в план развития легкой, местной промышленности, вообще в комплекс, производящий продукты, товары народного потребления. Мне показалось справедливым отраженное в программе недоверие к отечественным технологическим разработкам: швейники, скажем, намечают оснастить реконструируемые потоки на предприятиях объединений «Женская мода», «Старт», «Большевичка» лицензионными комплексами. Увы, это единственное решение, выглядящее сегодня достаточно надежным. Хотя, с другой стороны, мы помним случаи, когда «новаторский поиск» приводил к тому, что умудрялись превратить в бракоделов даже самые высокоточные и совершенные линии, агрегаты.

Но «Прогресс-95» ставит на пути подобных «поисков» серьезные преграды. Заложенные в программе качественные показатели прямо нацелены на то, чтобы халтурить производственникам было невыгодно, как, впрочем, и строителям, и работникам транспорта. Хотя сами по себе количественные показатели — если они достаточно объективны — отменять смысла нет. И если, скажем, намечается увеличить объем производства на московских предприятиях Минэлектротехпрома в 1,5 раза, снизить общую численность рабочих и служащих в машиностроении на 11 тысяч человек, добившись при этом почти полуторного темпа роста производительности труда,— важность подобного движения вперед вполне очевидна.

Как несомненно и положительное значение еще одной особенности «Прогресса-95»: даже, казалось бы, сугубо экономические, технические его разделы имеют четкую социальную направленность. Особенно, на мой взгляд, это проявляется в планах развития тяжелой промышленности, энергетики, производства товаров народного потребления. Причем речь тут идет как об интересах потребителей, так и о нуждах самих работников предприятий. Так, в сфере легкой промышленности предполагается всерьез заняться решением жилищной проблемы, отражающейся на атмосфере в коллективах предприятий, текучести кадров. 36 тысячам москвичей — каждому третьему работнику легкой промышленности столицы — будет за тринадцатую пятилетку предоставлено новое жилье. Более чем в 1,5 раза сократится очередь на получение жилья в сферах тяжелой промышленности, энергетики, химии и нефтехимии. Относительно этих отраслей программа дает еще одну важную в социальном плане цифру: почти на 15% уменьшится число работников, живущих в общежитиях.

Кстати, изучая программу, видишь, что нашлись-таки реальные рычаги для борьбы с печально знаменитой «лимитой». Ввозить извне рабочую силу станет невыгодно — это больно ударит по карману предприятия, а стало быть, трудового коллектива. Ведь на хозрасчет и самофинансирование переходит все народное хозяйство столицы... Есть и другое важное обстоятельство: передача предприятий в аренду неминуемо приведет к сокращению рабочих мест на производстве, и эта тенденция, по мнению специалистов, будет нарастать. До безработицы (о том что угроза ее могла бы сыграть некую позитивную роль, давно уже говорят и пишут многие ученые) в обозримом будущем дело вряд ли дойдет. Но сам по себе факт сокращения потребности города в людских ресурсах надо признать добрым знаком. Ведь не секрет, что многие беды сегодняшней Москвы происходят от безудержного ввоза ра-

бочей силы — на автозаводы, стройки, транспорт. Лимитчики «добили» и без того не очень-то реалистичный генплан развития столицы. Кстати, «Прогресс-95» предусматривает полную увязку с проектом нового генплана, готовящегося ныне к утверждению.

Социальная направленность программы, безусловно, проистекает отнюдь не от «добреньких» ее авторов. Наконец-то стало понятно даже управленцам, что без создания нормальных условий для труда, быта, отдыха людей, без заботы о горожанах всех поколений — от превращенных в изгоев пенсионеров до «привилегированных» лишь теоретически детей — какой-либо успех невозможен. И не случайно, говоря о «Прогрессе-95», председатель МГСПС народный депутат СССР В. Щербаков отметил, например, такие цифры: основные фонды в социальной инфраструктуре промышленности города намечено увеличить почти в 1,5 раза и довести их к 1995 году до 1,6 миллиарда рублей. Что это означает? В переводе на конкретные дела — повышение обеспеченности производственников жильем, дошкольными учреждениями для их детей, санаториями, другими объектами соцкультбыта, увеличение числа мест на предприятиях общественного питания на 21%, в детских дошкольных учреждениях на 9,8, в пионерлагерях — на 17,8%, в санаториях, профилакториях, домах отдыха и пансионатах — более чем на треть. На треть увеличатся капвложения в святое дело природоохранных мероприятий. В числе других прогнозируемых результатов отметим сокращение на 100 тысяч тонн количества вредных веществ, выбрасываемых в атмосферу Москвы только от стационарных источников. Известно, как далеки мы сегодня от того, чтобы состояние воздуха в городе соответствовало хотя бы уровню предельно допустимых концентраций по ГОСТам. Особенно тревожное положение с насыщенностью атмосферы окисью и двуокисью углерода, окислами азота, некоторыми другими вредными веществами. Если поглядеть на составленную экологами карту Москвы, то обнаружишь целый ряд зон, где воздух вообще малопригоден для жилого района. Не случайно ведь так активно действует общественность в Братееве, Орехово-Борисове, Капотне — ситуация там приняла просто угрожающие формы.

Не могу сказать, что предусмотренные «Прогрессом-95» меры экологического характера производили впечатление радикальных. Специалисты, конечно, требуют более решительных и масштабных шагов. Но... Пока еще город только подступается к региональному хозрасчету. До сих пор в силе диктат министерств и ведомств, предпочитающих вкладывать средства в развитие производства, а не в решение экологических проблем. Столица борется, однако без многомиллионных вложений трудно добиться быстрого перелома. Радует уже то, что порезче поставлен вопрос о выводе вредных производств за городскую черту — 249 объектов значатся в этом списке. Правда, в нем я обнаружил почти треть «давних знакомых» — их уже чуть не два десятилетия пытаются «выпихнуть» из Москвы, да безуспешно. Однако напомним, что на сей раз программа одобрена самыми высокими инстанциями, и есть надежда на них, на новые экономические методы, которые дает в руки городских властей, общественности столицы грядущая хозяйственная самостоятельность. Кстати, вывод этих объектов — а кроме предприятий там и научные учреждения, снабженческо-сбытовые организации — нацелен не только на реализацию экологической политики. Тут ведь тоже мощный рычаг для новой системы поиска и использования трудовых ресурсов в городе. Да и для полезных застроек место освобождается — 260 гектаров! Наконец, перепрофилирование производств на площади более чем 800 тысяч квадратных метров — чем не ресурс для решения проблем обеспечения горожан товарами народного потребления!

Здесь же отметим общую направленность программы на увеличение такой продукции. Например, производство колбасных изделий за годы тринадцатой пятилетки только по объединению Мосмясопром вырастет на 25%, а мясных полуфабрикатов — почти на 60! По цельномолочной продукции заложен менее впечатляющий, но тоже весомый показатель — увеличение на 13,7%. По рыбопродукции — примерно на 20%. За этими процентными, безликими на вид показателями — тысячи тонн изделий и, возможно, преодоление столь раздражающего нас дефицита.

Тут, конечно, важна не только сфера государственного производства. Мы будем надеяться и на кооператоров, хотя программа не случайно лишь констатирует негативную тенденцию: доля кооперативов, обслуживающих население, выпускающих для него товары, не растет, а падает. Ситуация, правда, может измениться в любой момент. Поэтому в журнальном повествовании не стоит подробно останавливаться не только на далеких, но и на близких перспективах этой бурной сферы. Даже к моменту подписания этого номера в печать совершенствование законоположений может переставить местами плюсы и минусы, надежды и разочарования...

Что же касается общей картины с обеспечением горожан товарами, то тут многое зависит не только от производственников. Известно, сколь отстала от требований современного сервиса торговая сеть столицы. Любопытная деталь: если брать в расчет только жителей Москвы, то по обеспеченности торговыми площадями на одного горожанина она занимает место среди лидеров по стране, хотя, к сожалению, это отнюдь не означает приближения к мировым стандартам. Однако стоит только спуститься с небес и увидеть давно уже превысившую двухмиллионный рубеж армию приезжих — картина блекнет, тускнеет. И Москва из лидера превращается в аутсайдера, замыкая список крупных советских городов по этому же показателю. Изменят ли в корне ситуацию те 500 тысяч квадратных метров торговых площадей, что должны пополнить ресурс города в соответствии с программой «Прогресс-95» (заметим, что это увеличит «размер общемосковского магазина» примерно на 25%)? Вряд ли. Поэтому мне представляется важным не просто открытие новых предприятий торговли, но и оснащение их самым современным оборудованием, широкое развитие столь эффективно показавшей себя на первых экспериментальных образцах системы передачи магазинов в аренду — бригадам, семьям.

То же можно сказать и об общественном питании. Мало нарастить площади на значащиеся в программе 150 тысяч квадратных метров, мало достичь теоретически нормативного уровня. Реальные перемены москвичи почувствуют лишь тогда, когда не посетители будут томиться в ожидании у дверей кафе, ресторана, а общепит станет ареной конкурентной борьбы своих предприятий. Цель эта не столь уж фантастична — снова вспомним разительные контрасты, заметные при сравнении с обычными кафе или закусочными тех предприятий, что отданы в аренду. Да и кооперативы здесь как ни крути должны прижиться, хотя не в сегодняшнем, думается, элитарно-халтурном виде.

Качественный рост — это требование вообще можно считать ключевым в программе. И если идет речь о развитии, скажем, метрополитена, то внимание и средства будут уделяться не только прокладке новых трасс, строительству новых станций — хотя и в этом отношении намечаемые объемы очень велики,— но и реконструкции действующих метровокзалов, совершенствованию подвижного состава.

Воспользовавшись спецификой «заметок на полях», позволю себе здесь сделать маленькое отступление. Мне не раз приходилось писать — в том числе и на страницах «Горизонта» — о проблемах московского метро. Дело движется вперед, но крайне медленно. Дошло до резкого вмешательства партийных органов, до взысканий от бюро МГК КПСС. В чем главная причина! Запущенность хозяйства, отставание в темпах технического развития и формирования социальной сферы. Плоды мы пожинаем сообща: работники метрополитена трудятся порой в жутких условиях, им негде пообедать, передохнуть в перерыв, а пассажиры теснятся в переполненных вагонах, у эскалаторов, на перронах. Позитивным свойством таких программ, как «Прогресс-95», мне представляется их профилактическая направленность. Не допустить формирования подобных проблемных узлов можно, либо дав всем элементам соответствующей сферы полную самостоятельность, либо введя перспективное планирование по всему комплексу вопросов. Вот такая комплексность давно нужна была метрополитену, оказавшемуся на «междурядье» нескольких ведомств. И есть основания надеяться, что в тринадцатой пятилетке удастся не только проложить 50 километров новых линий, связав с центром столицы Митино, Люблинские поля, Печатники, Братеево, Борисово, другие молодые микрорайоны с общим населением почти в миллион человек, но и заметно повысить культуру обслуживания, покончить со сбоями в движении поездов.

Для этого, как и для решения очень многих других московских проблем, требуется современная техника. А ее катастрофически не хватает. Вот, к примеру, беседуем с первым заместителем министра гражданской авиации СССР Б. Панюковым о том, как снять напряжение на воздушных линиях московского узла, как избавиться от очередей у касс, у стоек оформления пассажиров. И что выясняется! Лимит горючего все жестче, дополнительные рейсы проводить не на чем, планы по пополнению парка высокоэффективными экономичными самолетами Ту-154М и Як-42 не выполняются. Помещения для расширения кассовых павильонов на Фрунзенской набережной (очередь желающих купить билет на международные рейсы там порой достигает нескольких тысяч человек!) и на площади Дзержинского выделены, но лишь на бумаге: арендаторы даже под давлением Моссовета не спешат их освобождать. Уже после принятия «Прогресса-95» выяснилось, что, скажем, объемы строительства для авиаторов запланированы на тринадцатую пятилетку смехотворные: всемеро меньше, чем в нынешней. Вот вам и улучшение социальных условий, и расширение гостиничных фондов, и реконструкция аэропортов...

Подобными неувязками страдает немало разделов программы. Так, споры специалистов вызвали те позиции, которые отражают планы развития системы здравоохранения, соцобеспечения, решения жилищной проблемы. Вот вроде бы яркая цифра по последнему поводу: с 1 января 1996 года 94% всех семей в Москве будут обеспечены отдельными квартирами. И ключевые цифры, сопровождающие это обещание, вроде убеждают в его реалистичности. Но посчитаем на полях столбиком, складывая да перемножая не гипотетические объемы строительства, а реальные показатели стройиндустрии города с учетом очень сильной инерционности этой отрасли. Не будем оптимистично надеяться, что после предоставления «средней» семье квартиры она «насовсем» выбудет из очереди на жилье: аппетит, как известно, приходит во время еды. К тому же тенденция раздельного проживания родителей и молодых семей все заметнее. Наконец, витает над нами тень грядущей реформы того, что мы условно называем «пропиской». И если эту

преграду на пути «из провинциалов в москвичи» снять или существенно ослабить...

Впрочем, это и многие другие обстоятельства просто не поддаются объективному прогнозированию. И какова будет, к примеру, эффективность входящей в «Прогресс-95» общегородской программы «Молодая семья» или мер по развитию спортивно-оздоровительного комплекса в городе — сказать сложно. Сейчас нарастает мода на занятия физкультурой, уменьшается интерес к театрам — а вдруг через пару лет все изменится! Но это не значит, что надо ждать возможных перемен сложа руки. И новые помещения для театров, кинозалов, концертных площадок программой предусмотрены — число учреждений культуры в городе за пятилетку увеличится примерно на сотню и перейдет тысячный рубеж. Приводятся даже цифры обеспеченности ими москвичей. Но тут снова напрашивается вопрос о качественной стороне дела.

Как и в уже упомянутых планах по развитию системы здравоохранения. За пять лет планируется ввести в строй больницы на 13,6 тысячи коек, амбулаторно-поликлинические учреждения на 55 тысяч посещений в смену. Понятно, что средняя обеспеченность означенными благами более или менее заметно возрастет. Но вот приведет ли это к улучшению лечебной профилактики, сказать не берусь. Известно, что сегодня в Москве каждый из работающих «отдыхает» в среднем ежегодно по нетрудоспособности 13 дней. И это связано не только с экологической ситуацией, не только со спецификой мегаполиса. Да, средняя обеспеченность медучреждениями в столице выглядит пристойно. Но — как и в случае с торговлей — без учета внешнего фактора. А пройдите по палатам, по кабинетам лучших столичных клиник — сколько больных там москвичей! Увы, на то, что врачам приходится работать за иногородних своих коллег, поправки в статистике не делаются. А зря.

Как и любая программа такого рода, «Прогресс-95» изобилует цифрами роста. Динамика по разным разделам неодинакова, но всюду — растем. Кроме... Раздел, освещающий вопросы внешнеэкономических связей столицы, привлек мое внимание тем, что в нем намечен значительный рост экспорта продукции московских предприятий и заметное — на 25% — уменьшение импорта по предприятиям материального производства. Тут же говорится, что предприятия местной, легкой промышленности, агропромышленного комплекса, транспорта и связи импорт увеличат. Стало быть, кажется, с точки зрения горожанина — полный порядок. Но вдумаемся: не означает ли это продолжение старой ориентации на экспорт лучшего и импорт всего съедобного! Не резоннее ли ввозить передовые технологии, создавать собственные производственные мощности на уровне мировых образцов, чем расширять реку потребительской продукции, ввозимой отовсюду и все равно не покрывающей дефицита!

Можно было бы порассуждать и о том, как морально быстро устарела входящая в «Прогресс-95» программа борьбы с ростом преступности, за укрепление правопорядка в городе; как много споров вызвали у специалистов некоторые показатели, отражающие темпы научно-технического прогресса. Привести бы еще и цифры из публикаций последнего времени, наглядно показывающие: вряд ли база для выполнения новой программы будет такой, как это ожидалось при ее разработке. Ведь экономика столицы хронически отстает от контрольных цифр двенадцатой пятилетки по множеству важных показателей. И если мы стартуем не с той площадки, окажется ли верной вся траектория подъема!

Вопросов немало. И ключевой, об эффективности, реальной, а не желаемой, все же не уходит из сознания каждого, кого волнует завтрашний день Москвы. Мне довелось слышать диаметрально противоположные отзывы ученых, экономистов, практиков о «Прогрессе-95». Рассудит их конечно же время. Итога ждать не так уж и долго. Но вот что кажется очень важным: не произойдут ли за грядущие шесть лет перемены кардинальные — и в экономике, и в социальной сфере города, помимо тех, что означены в томах комплексной программы! И сработает ли придуманное сообща «лекарство» на фоне этих перемен! А может, оздоровляющая сила перестройки станет тем катализатором, который ускорит действие «комплексной терапии»! Нет, иначе, как вопросами, эти заметки не закончить...

Владимир Гимпельсон,
Надежда Ноздрина

КАК ЖИВЕТСЯ МОСКВИЧУ

ДВЕ МОСКВЫ

Москва у всех общая и в то же время у каждого москвича своя. «Общая» Москва — это Кремль и Арбат, Третьяковка и Большой театр, Сретенка и Столешников, Лужники и ГУМ. «Своя» — это та улица, микрорайон, двор, дом, где мы живем. Но тот же Арбат — он один для гостей, совсем другой для его жителей.

Для первых — это памятник архитектуры и истории, привлекательный маршрут для прогулок; для вторых — это то место, где надо каждый день стоять в очереди за молоком и сосисками, выяснять отношения с коммунальными службами и общаться с приемщицами обувных мастерских или прачечных. Облик и привлекательность «своей» Москвы не в последнюю очередь складываются в силу тех окружающих условий, которые помогают (или мешают) нам справляться с повседневными житейскими заботами. И как бы обыденно это ни выглядело, но комфорт и уют «своего» малого города, приспособленность его для полноценной жизни зависят от весьма прозаических и будничных вещей. Таких, как благоустройство двора и жилья, наличие достаточного числа магазинов и предприятий бытового сервиса, близость школы и детских учреждений. Добавим сюда кинотеатры и клубы, чистоту воздуха и удобство сообщения с центром, стадионы и спортивные площадки. Все это вместе взятое и является полноценной городской средой.

НА ПУТИ К «ОБРАЗЦОВОМУ ГОРОДУ»

Всегда ли «малый» город облегчает нам повседневную жизнь? Все ли жилые районы хороши и удобны для жизни? Думаем, что на оба вопроса ответы будут отрицательными. Признать это надо не для того,

В. Гимпельсон — кандидат экономических наук, сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР; Н. Ноздрина — кандидат экономических наук, сотрудник Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР.

чтобы перечеркнуть безусловные успехи и неоспоримые достижения. Это необходимо, говоря ленинскими словами, потому, что «первая обязанность тех, кто хочет искать путей к человеческому счастью — не морочить самих себя, иметь смелость признать откровенно то, что есть».

Вот немного статистики.

880 тысяч москвичей состоят на учете на улучшение жилищных условий, 200 тысяч человек проживают в ветхом и малоценном жилищном фонде, 1340 тысяч ютятся в коммуналках. Но это не все. Есть еще 250 тысяч обитателей общежитий. Ежегодно в очередь на получение жилья прибывает 150—180 тысяч человек. Всего же в обеспечении жилплощадью нуждаются 1886 тысяч москвичей. Эти цифры приведены в комплексной программе обеспечения до 2000 года каждой семьи отдельной квартирой.

Обеспеченность населения учреждениями сферы услуг в среднем по городу составляет 60—70% к принятым нормативам. Даже с учетом ввода в действие новых учреждений обслуживания, намечаемого к концу двенадцатой пятилетки, обеспеченность ими по отношению к нормативам СНиП (многие из которых и сами по себе нуждаются в пересмотре) составит: в здравоохранении — 85%, в бытовом обслуживании — 50, в торговле — 66, общепите — 40, в учреждениях культуры — менее 80%. В школах и после двенадцатой пятилетки более 10% детей будут продолжать учиться во вторую смену, а дефицит мест в детских садах и за пределами 1990 года составит около 10%. Существующий дефицит усиливается неравномерным размещением: сравнительно благополучному центру противостоит слабо обеспеченная объектами соцкультбыта периферия.

А кто не знаком с транспортной проблемой? Поездки в общественном транспорте в часы «пик» по утомительности давно конкурируют с основным рабочим временем. А ведь после этого многих еще ждут магазины, готовые своими очередями отнять последние свободные после работы часы. Большинство женщин еженедельно проводят в магазинах и предприятиях службы быта 8 часов 20 минут — еще один полноценный рабочий день. Была бы при этом хоть польза! Три четверти этого времени поглощало стояние в очередях, которые — увы! — далеко не всегда ведут к изобильному прилавку.

Добравшись после трудового дня до дома, раздраженный и уставший москвич часто хочет одного: «бросить» свое гудящее от работы, автобусной толчеи и давки в очередях тело в мягкое кресло, включить телевизор (какая передача — тут уже неважно!) и «забыться» у голубого экрана. Усталость — не единственный аргумент в пользу подобного выбора. Инфраструктура досуга, хотя и неявно, но также подталкивает в многочасовые телеобъятия, не балуя разнообразными предложениями и не завлекая отменным качеством оказываемых услуг.

Жилой район, лишенный магазинов, службы быта, детских учреждений и объектов культуры, элементарных спортсооружений, это не более чем полуфабрикат. Он сравним с домом без воды, газа, электричества. В таком доме жить вроде бы можно: от мороза он спасет и от дождя укроет. Однако достаточно ли только этого жителю столицы в преддверии XXI века? Конечно же нет!

Подобных полуфабрикатов в последние десятилетия в Москве настроено много. Это означает, что сотни тысяч новоселов, годами жившие надеждой о новом жилье, получили свою мечту в аляповато обструганном и недоделанном виде. Конечно, когда очередь на новую квартиру рассчитана на годы, то синицу в руке не меняют на не пойманного пока журавля. В то же время очевидно, что неполноценность и социальная убогость городской среды вносят свой немалый вклад в копилку социальных проблем, добавляя сюда как остроты, так и хронической запущенности.

Разрушение социальных связей между людьми по месту жительства, насильственная деформация повседневного образа жизни и ломка сложившихся наиболее удобных пространственно-временных стереотипов поведения, рост молодежной преступности и наркомании, падение социальной активности горожан и выхолащивание содержательной стороны досуга, обострение проблем воспитания детей и подростков — все это далеко не полный перечень итогов развития жилой среды города как механического набора панельных домов-коробок.

Особого разговора заслужила экология. Экологические проблемы

все настойчивее выходят на первый план, оттесняя многое другое. Это неудивительно: речь уже идет не просто о неудобствах, а о здоровье, о жизни.

Загрязнение воздуха в первую очередь бьет по детям. За 10 лет почти в 8 раз возросло число московских ребятишек, страдающих бронхиальной астмой. В реанимационный центр при детской больнице имени Филатова ежесуточно привозят более 10 новорожденных детей-мутантов — безвинных жертв промышленной цивилизации.

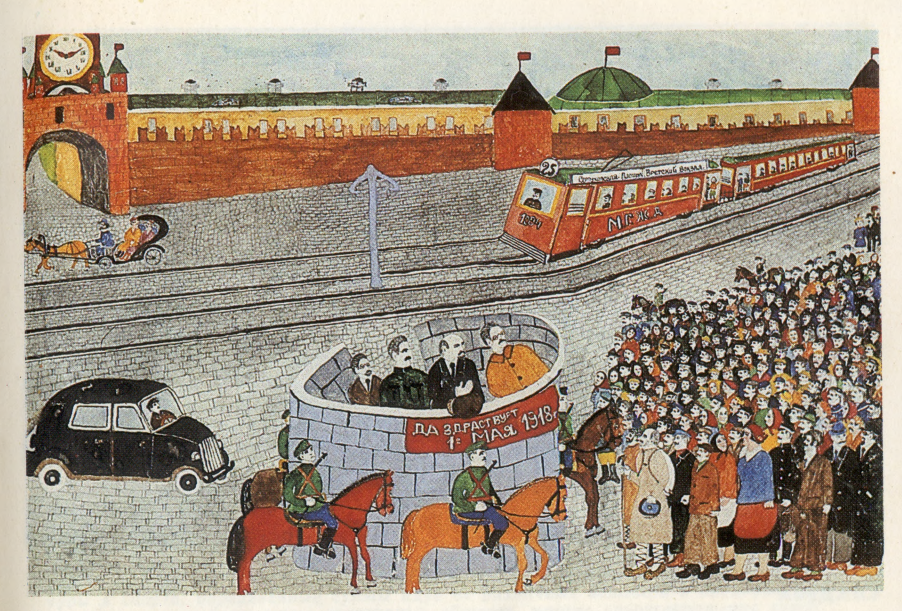
Разные социальные проблемы переплелись в одном неразрывном узле, где не найти ни начала, ни конца. Правда, все это стало известно не сегодня и даже не вчера. Все москвичи, кто имел желание видеть, наблюдали, как из года в год названные болезни обострялись, становились хроническими. Но под громкие призывы и обещания построить образцовый коммунистический город сокращались капитальные вложения в социальную сферу, запрещалась публикация правдивой информации, отвергалось все, что не соответствовало выработанному в высоких кабинетах представлению о столице будущего. Показное благополучие, основанное на статистической изворотливости и беспринципности, как смогом окутало все ухудшающуюся ситуацию.

Но вот плотная пелена тумана стала понемногу рассеиваться. Уже прорезались истинные очертания нашего города не только со всеми его достижениями, но и болезнями. Оказывается, те болячки, что мы наблюдали многие годы,— это не галлюцинация, в которую не хочется верить,— это правда, которая сегодня подтверждается статьями в периодике, приоткрывшейся статистикой, новыми исследованиями. В длинном анамнезе и безнадежно пропахший кислой капустой общепит, и забывший вид приличного товара магазинный прилавок, и хамящая, уверенная в своей безнаказанности королева бытового сервиса, и разрытая, тут же позабытая канава во дворе на месте бывшей спортплощадки, и мусорная куча, вроде не очень видимая, зато хорошо обоняемая. Да и многое-многое другое. Проясняются не только следствия, но и причины, корни. Сегодня уже, не боясь ошибиться, можно ставить диагноз. Истоки большинства городских болезней — не в городе. Простая смена мэров излечения не приносит. Город всегда слепок с общества. Поэтому и истоки болезней надо искать в обществе. Точнее — в тех методах управления экономикой и общественной жизнью, которые доминировали на протяжении шести десятилетий. Доминировали, не считаясь с человеком, растаптывая нравственность и традиции, уничтожая культуру и историю, каленым железом выжигая здравый смысл и творческий дух, подменяя экономику и демократию произволом бюрократов. Речь, понятно, идет об административно-приказной системе, которая многотонным катком проехалась по нашей жизни, не пощадив, естественно, и столицу.

В ПАУТИНЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕШЕНИЙ

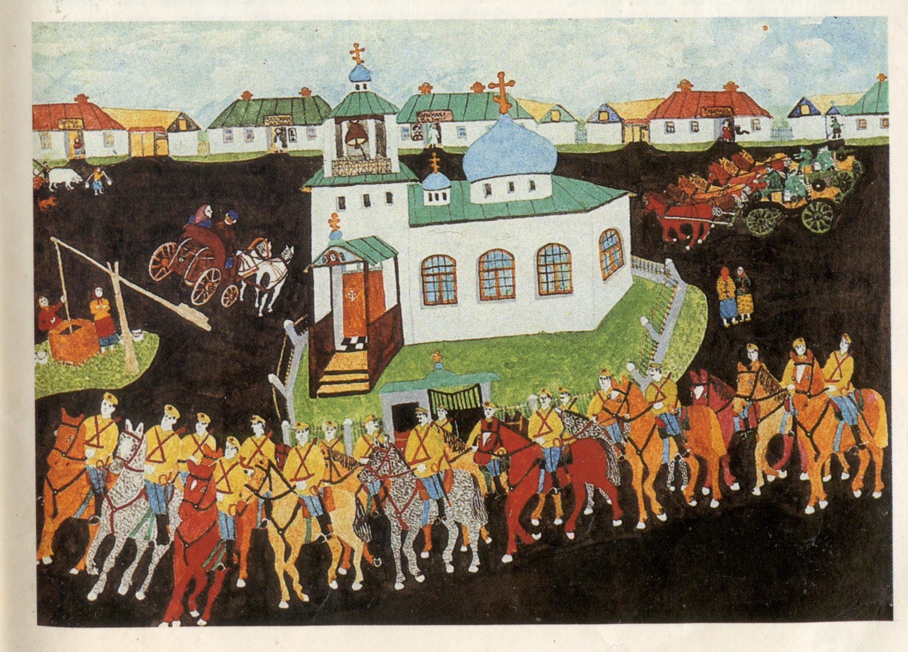
Что же это такое — административный подход к решению городских проблем? Это, прежде всего, отстранение самих горожан от творения судьбы их родного города. Это узурпация прав и ответственности за настоящее и будущее Москвы разными чиновными людьми из больших ведомственных кабинетов. Это позиция — «градоначальникам» виднее. Это — «голодный паек» для социальной сферы.

Из окна многоэтажной башни все люди внизу на площади выглядят равномалыми точками. Эти точки по определенным правилам передви-

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ В 1918 ГОДУ

КРАСНЫЕ КАВАЛЕРИСТЫ

СВАДЬБА

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ КАТАНИЕ

гаются, они окрашены в ограниченное число освоенных отечественной индустрией цветов (импортная одежда в дефиците), кажутся бессловесными и на все согласными.

Подобному идеологическому ракурсу соответствует практика показухи, скудности остаточного принципа, нормативной уравнительности, ведомственной экспансии. Эти явления тесно связаны, они произрастают из единого корневища полуказарменной системы, являются ее закономерными следствиями. Всякие попытки бороться с ними поодиночке, по очереди бессмысленны, глубоко наивны. Это неизбежная плата за административно-управляемый город. Остановимся на них подробнее, ибо их «заслуги» в сложившейся ситуации трудно опровержимы.

Москва росла, преображался центр. Малоэтажная дореволюционная застройка вытеснялась помпезными резиденциями министерств и ведомств. Под видом реконструкции и переоборудования старых предприятий развернулось создание новых. Город все глубже погружал себя в пасть Молоху бесконечного промышленного строительства. На новые рабочие места на заводах и стройплощадках москвичи шли все с меньшей охотой: началось «привлечение по лимиту». Обустройство сотен тысяч лимитчиков обернулось огромными дополнительными средствами. В результате каждый очередной плановый пятилетний виток оставлял Москве все меньше ресурсов на решение собственно социальных проблем.

Необходимость обеспечить людей крышей над головой оттеснила все остальное как совершенно несущественное. Известно, например, какое значение имеет массовая физкультура для здоровья, для полноценного досуга. В 1987 году в городском бюджете было предусмотрено на эти нужды аж... 400 тысяч рублей! Другими словами, на каждого москвича бюджет не поскупился на целых 4 копейки. Отсюда надо взять и на финансирование нового строительства, и на реконструкцию, и на текущее содержание, и на оплату персонала. Спору нет, это далеко не все средства, выделяемые в городе на развитие физической культуры и спорта, определенные суммы идут от различных ведомств и предприятий, профсоюзов и добровольных спортивных обществ, многие спортсооружения самоокупаются. Все же признаемся: будь данная цифра и во сто крат больше, до чрезмерности ей все равно далеко.

Политика развития жилых районов полностью базируется на основе так называемых нормативов обеспеченности или нормативов Генерального плана. Эти показатели диктуют, где и сколько в расчете на 1000 жителей должно быть торговой площади магазинов, посадочных мест в общепите, рабочих мест в службе быта, мест в клубах, кинотеатрах, школах, детсадах и т. п. В Москве подобные нормативы для центра и для периферийных районов дифференцированы. Впрочем, такая дифференциация мало что меняет: согласно нормативам, все жилые районы должны быть похожи как близнецы и рассчитаны на среднестатистического москвича. В то же время каждый московский микрорайон имеет свое лицо, свою историю, свой социальный портрет. Всюду живет вполне конкретный москвич, наделенный определенными социально-демографическими и профессиональными чертами и посему имеющий по месту жительства «свой» интерес.

Вряд ли кому придет в голову людей разного пола, роста и телосложения наряжать в одежды единого размера и фасона. Конечно, не исключено, что кому-то повезет и наряд окажется впору. Но подавляющее большинство будет чувствовать себя неуютно. Также обстоит и с «нормативно-стандартными» микрорайонами, в которые, как в униформу, впихнули непохожие микротерриториальные сообщества.

Но и это еще не все. Пронормировать можно лишь ограниченный набор стандартных, ставших уже традиционными учреждений, таких, как кинотеатры, библиотеки, клубы. Но проблема-то в том, что потребности изменчивы и уже сегодня есть нужда в иных типах учреждений — многофункциональных по сути своей, легко перестраивающихся и быстро осваивающих новые виды услуг. Возьмем, к примеру, кинотеатры. Обеспеченность ими далека от нормативов, а посещаемость пошла вниз. Что делать: продолжать наращивать сеть или, наоборот, сокращать?

Нормативы на этот вопрос ответа не дают. Получается прямо по М. Жванецкому: «Главное — обеспечить всех штанами, а потом будем бороться, чтобы их носили». Увы, жизнь нас постоянно убеждает в том, что если первая часть этой формулы с трудом, но достижима, то вторая — лишь при чрезвычайных условиях.

ЛЕЧЕНИЕ: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ!

Если следование «нормативному» равенству стало правилом, то давайте поищем исключения. Они есть. Всегда находится богатое или привилегированное ведомство, работники которого (они же жители нашего города) всех «равней», «самые равные». Для них появляются кирпичные жилые дома по индивидуальным проектам, свои поликлиники, бассейны, корты.

Сколько громов и молний пущено в эту самую пресловутую ведомственность! Ей же от этого никакого вреда. Удивляться неэффективности нашей борьбы с ней не приходится. Ведомственность — это обратная сторона недооценки социальной сферы. Никто не в силах отменить необходимость для людей жилья, системы образования, здравоохранения и т. п. Отказывая в удовлетворении этих потребностей гражданам как личностям, административная система не может отказать им как своим работникам. И если бедные местные бюджеты не в состоянии подобные расходы на воспроизводство рабочей силы взять на себя, то тут вынуждены раскошелиться богатые предприятия или всемогущие ведомства, пожертвовав на социальные нужды часть своих отраслевых ресурсов. Конечно, все горожане их не волнуют, их волнуют прежде всего свои работники.

В Москве 90% клубных учреждений принадлежат отраслевым профсоюзам и различным ведомствам. Ведомственными являются 40% стадионов, 80% спортзалов, 50% теннисных кортов. Аналогично обстоят дела с поликлиниками, детскими садами, яслями. Многочисленные обследования убедительно свидетельствуют: складывается совершенно необоснованная дифференциация людей по отношению доступности к услугам, часть затрат на строительство и содержание таких объектов некоторые предприятия закладывают в себестоимость продукции, перекладывая их тем самым через цену на потребителя. Такая практика подтягивает всю систему услуг к местам работы. При этом, естественно, оголяется место жительства. Словосочетание «район-спальня» стало нарицательным.

Если бежать вверх по эскалатору, движущемуся вниз, то в итоге внизу и окажешься. Так и движение в системе координат административного подхода: оно в лучшем случае оставляет нас на прежнем месте. Как правило — отбрасывает назад, не считаясь с утвержденными планами, принятыми постановлениями, вложенными средствами.

Но продвижение — и притом быстрое — возможно. Правда, для этого необходимо иное координатное пространство — в котором высшей и последней инстанцией являются сами горожане, а не администраторы.

Кто в городе хозяин? Этот вопрос звучит пока риторически. Есть распоряжающиеся, указывающие. А хозяина нет. Им должен стать местный Совет. На это нацелена политическая реформа.

Обретение реальной власти Советами, составляющей, как известно, ее смысл, началось с Первого Съезда народных депутатов. Мы увидели, что больше не существует монолита депутатского одобрения, убедились, что отвечающие перед своими избирателями народные избранники могут многое. «Ренессанс» Советской власти в городе и районах мы связываем с предстоящими выборами в местные Советы. Они могут стать переломным моментом в нашей городской политике. Ибо формирование депутатского корпуса на подлинно демократической, альтернативной основе означает отказ от ведомственных «рецептов», административно-показных «лекарств», возврат здравого смысла и уважения к людям в решении всех городских дел. Конечно, власть без денег невозможна.

Пока районный Совет чувствует себя попрошайкой, существует на подачки, власть его и авторитет остаются величинами мнимыми. Кто прислушивается к голосу бедной содержанки? Решится ли она повысить голос? Удел такой «власти» — выполнять директивы сверху и не мешать удовлетворению распространяющейся на их территорию «ведомственной похоти».

Районная власть не станет самостоятельной и не начнет жить интересами жителей, пока местный «кошелек» зависит не от экономики, а от прихотей чиновников. Финансовая база Советов должна основываться на экономическом потенциале подведомственной территории. Все предприятия и организации, расположенные в городе, районе, должны вносить свой вклад в местный бюджет.

Самый простой вариант формирования местного «кошелька» — это основанные на долгосрочном нормативе отчисления в процентах от общей суммы территориальных доходов (остальная их часть пополняет бюджеты «вышестоящих» территориальных единиц). Именно этот вариант чаще других оказывается в поле зрения прессы. Но, несмотря на свою популярность, он не лишен недостатков. При таком порядке формирования бюджетов московские районы сразу разделятся на «богатых» и «бедных». Причем в «бедных» окажутся районы-«спальни», для которых жилая функция ведущая. Но ведь именно они в первую очередь испытывают потребность в средствах на социально-культурные и бытовые нужды. Что же делать? Брать у одних и давать другим?

Другой путь кажется более предпочтительным. Его суть в том, что в каждый из вышестоящих бюджетов направляется твердо зафиксированная абсолютная сумма территориальных доходов, оставшаяся часть — в местный бюджет. Абсолютная величина такого налогового платежа может определяться с учетом профиля района (для промышленных — выше; для жилых — ниже). Это своеобразный территориальный аналог продналога. Он максимально стимулирует местные органы в создании наилучших условий для эффективной экономической деятельности.

Шансы прокормить себя у московских районов весьма неплохие. Вот расчеты по Севастопольскому району: для удовлетворения основных потребностей, приведения в порядок материальной базы необходимо порядка 115 миллионов рублей. В районе же вместе с отчислениями, которые делают предприятия в вышестоящие бюджеты, «крутится» 137 миллионов рублей. Это означает, что вполне реально и иное существование, нежели участь вечного просителя.

Разбогатев и получив возможность тратить, местный Совет всерьез задумается над тем, как израсходовать заработанное, захочет сам определять, как району жить дальше, сообразуясь в первую очередь с нуждами рядовых горожан-избирателей. Любая иная позиция в условиях действительно демократического избирательного механизма депутатам будет стоить мандата.

Но ответственность местного Совета производна. Во-первых, она производна от политической реформы в нашем обществе. Это вроде бы очевидно. Во-вторых, полная ответственность невозможна без расцвета социальной активности самих жителей. Если они сами не осознали себя как сообщество, имеющее свой локальный интерес, отличный от интересов иных территориальных групп, если не предпринимается усилий для выражения этого интереса, доведения его до депутатов, то районный Совет вряд ли заработает по-настоящему.

Мы имеем здесь как бы два взаимодействующих слоя, два взаимосвязанных пласта местной политики. Верхний — это деятельность местного Совета, его полномочия и ответственность, заинтересованность и реальный потенциал действия. Нижний представлен самоорганизующимися сообществами горожан. Это могут быть группы экологического действия и местные объединения потребителей, клубы по интересам и

члены социально-педагогических ячеек. Несогласованность, диспропорция между этими слоями ведут к конфликтам.

Вот только один пример. Широкую известность получила история с проектом строительства нового Московского зоопарка на территории Битцевского лесопарка. Жители прилегающих к нему микрорайонов выступили против такого решения, подкрепив свою позицию весьма убедительными аргументами. Но столкнулись с довольно жесткой позицией городских властей. Последние утверждали, что выбранное место для зоопарка — наилучшее, и обвинили несогласных с этим мнением в групповом эгоизме.

Понимая, что они теряют в случае реализации такого плана, жители объединились вокруг инициативной группы. Серия митингов протеста, подкрепленных независимыми экспертизами, закончилась их победой. Ошибка проектировщиков была признана. В конце концов конфликт разрешился миром. Но почему он стал возможен? Потому, что в изменившихся условиях городские власти пытались действовать старыми методами — администрированием, силовым нажимом, не учитывая, что люди стали другими. Местный Совет не смог (или не захотел) занять позицию защиты своих избирателей. Думается, что если бы планы застройки разрабатывались совместно с районными депутатами, а последние были бы полновластными и заинтересованными выразителями и защитниками нужд своих избирателей, до шумных митингов и острых конфликтов дело бы не дошло.

Самодеятельность и инициатива горожан по месту жительства рождают самые разные формы объединения: здесь могут быть местные (микрорайонные, квартальные или уличные) потребительские общества, призванные контролировать деятельность предприятий торговли, быта, общепита, жилищно-коммунального хозяйства, учреждений здравоохранения, культуры и просвещения. Соседские группы взаимопомощи могли бы наладить присмотр за детьми (минисады на общественных или кооперативных началах). Добровольно объединившиеся группы людей могли бы заниматься благоустройством жилья и прилегающих территорий, родительские советы школ и детских садов — помочь соединить общественное и домашнее обучение и воспитание. В сфере досуга возможны разнообразные объединения по интересам — домашних мастеров, любителей спорта и т. д.

Организационные формы местной самодеятельности могут быть самыми разными. Общими для них являются — самодеятельный характер, демократичность, нацеленность на решение конкретных жизненных проблем, недопущение формализма и заорганизованности. Здесь речь идет не о введении всеобщей и принудительной самоорганизации жизнедеятельности москвичей по месту жительства, а о предоставлении реальных возможностей тем, кто в этом нуждается и к этому готов. К сожалению, пока у большинства москвичей словосочетание «работа с населением по месту жительства» просто ассоциируется с занудными лекциями, вызывающими неотвратимую зевоту мероприятиями, надоедливыми шефами-организаторами из неизвестных им учреждений.

Что нужно жителям? На этот вопрос должны отвечать они сами. Когда же на него пытаются отвечать чиновники, то вероятность угадывания правильного ответа бесконечно мала. И тогда не спасут никакие постановления и решения, проникнутые «заботой о благе», не помогут вновь построенные «объекты» и дополнительно выделенные средства. Только радикальная демократизация «микрорайонной жизни» способна поставить на ноги этого хронического больного.

Однако, оказывается, что это самое сложное. Так глубоко вошла привычка назначать ответственных, осуществлять контроль, что и в сегодняшней радикально изменившейся ситуации нет-нет да и скатываемся в русло старых подходов. Один из них — это попытка привязать микрорайон к шефствующему трудовому коллективу, забывая, что микрорайон — это место жительства, а не вспомогательный цех завода, где воспроизводятся рабочие руки. Процессы социального воспроизводства, осуществляемые дома и около дома, слишком тонки и трепетны, чтобы ими управлять через призму заводских интересов или посредством таких грубых рычагов, как производственное шефство. В результате шефы составляют «планы», предусматривают «мероприятия», отчитываются о проводимой работе, а жизнь идет сама по себе, не переставая удивлять «ответственных за микрорайон» правонарушениями молодежи, пассивностью, безразличием, неудовлетворенностью жителей.

Привлечение общественности в качестве реальной силы к механизму городского развития требует радикального обновления режима проектирования и планирования. Если каждый участок городской земли «разверстан» и его «судьба» предрешена заранее вне зависимости от потребностей жителей, жизненного пространства для проявления инициативы практически не остается. Именно такая ситуация наблюдается сегодня. Однако такое занормированное торможение общественного градотворчества не может уже полностью загасить общественную активность. Недопустив вмешательства в сложившуюся ткань города, экологические общественные группы спасли Лефортово, предотвратили разорение Битцевского лесопарка, остановили расширение Братеевской промзоны. Разве такое «отрицание» уже не есть созидание? Чем активнее и глубже включается общественность в градоформирующий процесс, тем серьезнее и конструктивнее становится ее программа.

Таков, например, «Братеевский феномен». Начав с борьбы за экологию района, его жители, объединившиеся в комитет самоуправления, выступили с конструктивной программой развития района и мероприятий в области местной политики. Сессия районного Совета юридически признала эту общественную организацию. Эта инициатива жителей Братеева получила поддержку на XXVII Московской городской партийной конференции, было отмечено, что заметно сократилось число обращений в райисполком, многие вопросы стали решать сами жители, улучшили свою работу и службы районного хозяйства, взятые под контроль комитетом.

Активное подключение общественности к решению разнообразных проблем жилой среды означает известное перераспределение прав и ответственности в механизмах городской политики. Оставляя за собой последнее слово (путем бойкота или другим образом), население, общественность наступают тем самым на больную мозоль бюрократам из городских ведомств, отнимая у них часть их прав. Это вызывает болезненную реакцию чиновников, привыкших самим ставить последнюю точку. Появился и утвердился на страницах некоторых газет термин «групповой эгоизм». За «разоблачением» его, как правило, прячется плохо скрываемый ведомственный эгоизм, заключающийся в неумении демократично и гласно обсуждать свои планы и намечаемые решения. Что же лучше: «групповой эгоизм» населения или «групповой эгоизм» чиновников? Лучше все-таки первое, ибо это борьба против администрирования, против присваивания чиновниками единоличного права «знать как надо».

Важным элементом повседневной работы местных Советов должны стать такие проверенные демократические процедуры, как опросы общественного мнения, местные референдумы, гласное обсуждение различных альтернативных проектов.

Создание полноценной жилой среды не завершается с возведением запланированных построек. Это лишь один из промежуточных финишей в длительном процессе развития городского организма. И как бы хорошо ни был запроектирован и построен город, это еще не дает гарантий удовлетворения меняющихся потребностей населения. Нужен механизм постоянной подгонки «городского костюма» под меняющуюся фигуру горожанина. Важным элементом такого механизма опять же является его активность и участие в обживании своего района.

Другой аспект отладки адаптационного механизма заключается в переводе большинства учреждений социальной инфраструктуры города

на условия хозрасчета. Эта мера заставит их ориентироваться на реальный спрос. Жилые районы нуждаются прежде всего в небольших учреждениях обслуживания, максимально приближенных к потребителю. Для этого могут быть весьма удобны встроенно-пристроенные помещения, а также столь нелюбимые жителями первые этажи.

Перспективы в развитии сферы услуг связаны с переводом ее предприятий на условия арендного подряда, который уже доказал свои преимущества в торговле, общественном питании, бытовом обслуживании. Имеется опыт работы на арендном подряде стадионов, парков, других объектов досуга. При этом важно подчеркнуть, что расценки за услуги остаются на уровне государственных, а сами предприятия становятся реальными конкурентами кооперации.

Еще в 1986 году Кировский районный трест столовых был безнадежно убыточен, высосав за год из госбюджета 160 тысяч рублей дотаций. Переход на арендный подряд позволил ему уже в 1988 году получить 252 тысячи рублей прибыли. Аренда многое дает не только потребителю, но и самим трудовым коллективам. Она воспитывает культуру работы, создает конкуренцию, является отличной школой экономики.

Перевод сферы услуг на хозрасчет позволяет на деле решить проблему ведомственности. Построенные на средства трудовых коллективов бассейн или клуб, перейдя на хозрасчет (полный или внутрибюджетный), будут стремиться заработать деньги, расширяя услуги и улучшая их качество. Тут уже не до деления на «своих» и «чужих». Да и трудовой коллектив не один раз взвесит, во что вложить заработанные деньги. Решается и проблема рационального размещения объектов социально-культурного назначения на территории города или района. После демократического определения состава необходимых объектов обслуживания населения и выделения участков под их строительство исполком местного Совета мог бы объявлять конкурс на их финансирование с участием всех желающих держателей ресурсов. Ими могут быть исполкомы Советов, трудовые коллективы, кооперативы, общественные организации. Каждый участник конкурса сможет выбрать себе для финансирования объект «по душе», исходя из своих интересов, возможностей, потребностей жителей района. Возможно долевое участие нескольких организаций. Экономическая заинтересованность в такого рода вложениях связана с учетом действительного спроса и возмещением затрат через платность услуг.

Конечно, такой путь требует радикального совершенствования всей системы распределительных отношений. Основным источником льгот и дотаций должен стать местный бюджет. Все виды обслуживания, выходящие за границы определенных социальных гарантий, должны строиться на платных началах. Такая политика позволит, с одной стороны, обеспечить интересы социально-приоритетных групп (дети, пенсионеры, многодетные семьи, инвалиды), а с другой — вдохнуть жизнь в сферу услуг с помощью развития товарно-денежных отношений.

Итак, подытожим главное. Административное управление развитием Москвы создало город, идеальный для ведомств и неуютный для людей. Министерства и многочисленные конторы, расплодившись, вытеснили жителей не только из домов, но и с многих улиц и площадей. Дискомфорт городской среды, отчуждение человека от внешнего (по отношению к квартире) ближайшего окружения, подмена масштаба и критериев градообразования сегодня остро ощущаются москвичами.

На повестке дня — демократизация городского развития. Это значит, что диктат чиновников должен быть заменен полновластием самих жителей. Стимулирование самоорганизации и инициативы москвичей, развитие самоуправления и экономической самостоятельности, широкое взаимодействие градостроителей и горожан — вот единственный путь создания такой городской среды, которой достойны москвичи на пороге XXI века.

Александр Орлов

СТАЛИНСКИЕ УТЕХИ

Предлагаемый читателям очерк взят из книги Александра Орлова «Тайная история сталинских преступлений», вышедшей на русском языке за рубежом, в издательстве «Время и мы», в 1983 году, через тридцать лет после ее первого выхода в свет на английском языке.

Ценность содержащихся в ней сведений западными историками и советологами определяется по-разному. Одни считают книгу Орлова не заслуживающей внимания серьезных исследователей из-за множества фактических неточностей, алогичных суждений, а то и попросту — оговоров тех лиц, о которых в ней идет речь. Иногда и самого Орлова относят к разряду бывших «сталинистов», которые не пришлись ко двору, и смогли вписаться в «систему» и пытались с помощью печатного слова отомстить своим обидчикам, в первую очередь — Сталину. Косвенно эта версия подтверждается и самим Орловым в предисловии к данной книге, где он выражал свое сожаление по поводу того, что смерть лишила Сталина возможности прочесть его воспоминания.

Другие западные авторы, наоборот, относятся если и не с полным, то по возможности максимальным доверием к публикации Орлова как источнику, разоблачавшему сталинские преступления. Например, Роберт Конквест, английский историк, автор известной во всем мире (но пока не изданной у нас) книги «Большой террор», в предложенной им шкале источников по истории сталинизма относит воспоминания Орлова к пятой категории — «свидетельства лиц, имевших доступ к политической и полицейской информации».

Он дает книге Орлова такую аттестацию: «Его книга, неудачно названная «Тайная история преступлений Сталина», представляется нам достойным большого доверия источником, во всяком случае, примерно до конца 1937 года, т. е. до времени последнего возвращения автора в Советский Союз».

У нас в стране книга Орлова также стала весьма популярной. Хотя о ее содержании многие узнали лишь из романа «35-й и другие годы» Анатолия Рыбакова, заимствовавшего целые страницы «Тайных историй...» (увы, без ссылок на оригинал).

Советские авторы, как, впрочем, и зарубежные, прибегают к свидетельствам Орлова, что называется, не от хорошей жизни. История нашей партии и страны в период 30-х годов, а тем более «придворная жизнь» тех лет, или — по терминологии Орлова — «утехи» Сталина и его окружения, нам совершенно неизвестны. Оттого-то в дело и идет любой материал. Плохо это или хорошо?

Наверное, плохо. Потому что хотелось бы пользоваться источниками «99-й пробы», то есть максимальной достоверности. Ну а если их нет? Ведь от этого любознательность людей не спадает, каждый интересующийся нашим историческим прошлым вправе знать, что от него скрывалось в течение десятилетий.

Поэтому, относясь критически к такого рода источникам, вряд ли стоит оценивать их по принципу «или — или». Что-то в них отражает действительные события и не расходится с логикой поступков тех или иных политических деятелей, известной нам по совершенно достоверным и точным фактам, что-то, конечно, не соответствует исторической правде.

Этот вывод можно подтвердить и ссылками на некоторые сюжеты из публикуемого очерка. В частности, вряд ли можно принять всерьез эпизод с «расстрелом» собаки, которая мешала Сталину спать, или с «рыбной ловлей», имевшей целью подготовить для Сталина его любимое блюдо.

Скорее всего данные эпизоды, свидетелями которых Орлов не был, кем-то рассказаны ему, но и в этом случае они отражают его представление о Сталине как о человеке. Короче, Орлов считал, что если этого и не было на самом деле, то могло быть, поскольку вполне сообразовывалось с его пониманием личности Сталина.

Орлову наверняка были известны слова Н. И. Бухарина, сказанные им о Сталине в 1936 году в парижской беседе с супругами Федором и Лидией Дан: «Нет, нет, Федор Ильич, это маленький злобный человек, не человек, а дьявол!» Наверное, и сам Орлов уже на собственном опыте имел немало случаев убедиться в «дьявольской» природе сталинского характера.

Что касается другого «героя» этого очерка — начальника Оперативного отдела НКВД К. В. Паукера, то он, как и многие другие из его сослуживцев, был расстрелян в 1937 году. Версия Орлова о нем как начальнике личной охраны Сталина, его чудачествах и шутовстве, на наш взгляд, вполне укладывается в

рамки правдоподобности, обусловленные временем и местом его жизни и деятельности.

И наконец, несколько биографических сведений о самом Орлове. Это, если верить сообщению писателя О. Горчакова, псевдоним майора Никольского, работавшего в 20—30-е годы, как тогда говорили, в органах ОГПУ — НКВД.

Сам Орлов весьма скупо в предисловии к своей книге сообщал, что Сталин знал его лично с 1924 года. В том году он занимал должность председателя экономического управления ОГПУ — НКВД, осуществляя надзор за реконструкцией советской промышленности и борясь со взяточничеством. Затем он находился в погранвойсках в Закавказье.

В 1926 году — начальник экономического отдела Иностранного управления ОГПУ и уполномоченный Госконтроля, отвечавший за внешнюю торговлю.

С 1936 года — участник гражданской войны в Испании. По его словам, он был направлен туда Политбюро советником республиканского правительства для организации контрразведки и партизанской войны в тылу противника. Там он узнал об аресте Г. Ягоды и его ближайшего окружения.

9 июля 1938 года Орлов получил телеграмму от Ежова, где содержалось предписание о немедленном отъезде в Бельгию, в Антверпен. 12 июля в Барселоне Орлов прощается с близкими друзьями и выезжает в Париж. Здесь он обращается сперва в американское, а затем в канадское посольства. Объяснив, что хочет провести летний отпуск в Квебеке, получает визу, берет билет на ближайший пароход и отбывает в Новый Свет. Месяц спустя он перебирается из Канады в США, где и остается до самой своей смерти в 50-е годы, живя в постоянном ожидании расплаты за свое предательство Родины, или, точнее,— Сталина.

Николай ВАСЕЦКИЙ, доктор исторических наук

1

Казалось, после того как Сталин ликвидировал Енукидзе, своего единственного и совершенно бескорыстного друга, ни одно из многочисленных сталинских преступлений уже не сможет нас удивить. Тем не менее, думаю, читателям будет небезынтересно узнать подробности еще одного убийства. Речь идет об убийстве Паукера, начальника кремлевской охраны, которого связывали со Сталиным особо доверительные отношения.

Паукер был по национальности венгром. Во время первой мировой войны его призвали в австро-венгерскую армию, и в 1916 году он попал в русский плен. Когда началась революция, Паукер не вернулся домой — у него не было там семьи, на родине его не ждали ни богатство, ни карьера. До армии он был парикмахером в Будапештском театре оперетты и одновременно прислуживал кому-то из известных певцов. Он и сам мечтал о славе и любил хвастать, будто артисты оперетты находили у него «замечательный драматический талант» и наперебой приглашали выступать на сцене в качестве статиста.

Паукер, по-видимому, не преувеличивал. У него действительно были способности актера-комика, надо было видеть, как искусно подражал он манерам начальства и с каким артистизмом рассказывал анекдоты. Но мне казалось, что истинным его призванием было искусство клоунады и что на этом поприще он мог бы добиться славы, которой так неуемно жаждал. Чтобы дорисовать портрет Паукера, можно добавить, что губы его были неправдоподобно красными и чувственными, а темные горячие глаза смотрели на кремлевских тузов и вообще на большое начальство с выражением искреннего восхищения и собачьей преданности. Эти в общем-то довольно скромные качества позволили Паукеру не пропасть в бурных водах российской революции.

Паукер вступил в большевистскую партию и был направлен на работу в ВЧК. Человек малообразованный и политически индифферентный, он получил там должность рядового оперативника и занимался арестами и обысками. На этой работе у него было мало шансов попасться на глаза кому-либо из высокого начальства и выдвинуться наверх. Сообразив это, он решил воспользоваться навыками, приобретенными еще на родине, и вскоре стал парикмахером и личным ординарцем Менжинского, заместителя начальника ВЧК. Тот был сыном крупного царского чиновника и сумел оценить проворного слугу. С тех пор Паукер всегда находился при нем. Даже когда Менжинский в 1925 году отправился на лечение в Германию, он прихватил с собой Паукера.

Постепенно влияние Паукера начало ощущаться в ОГПУ всеми. Менжинский назначил его начальником Оперативного управления, а после смерти Ленина уволил тогдашнего начальника кремлевской охраны Абрама Беленького и сделал Паукера ответственным за безопасность Сталина и других членов Политбюро.

Паукер пришелся Сталину по вкусу. Сталин не любил окружать себя людьми, преданными революционным идеалам,— таких он считал ненадежными и опасными. Человек, служащий высокой идее, следует за тем или иным политическим лидером только до тех пор, пока видит в нем проводника этой идеи. Но такой человек может сделаться и врагом своего вчерашнего кумира, если увидит, что тот предал высокие идеалы и изменил им из личной корысти. В этом смысле Паукер был абсолютно надежен: по своей натуре он был так далек от идеализма, что даже по ошибке не мог оказаться в политической оппозиции. Его не интересовало ничто, кроме собственной карьеры. А карьера — это тот товар, которым Сталин мог обеспечить его в любом количестве.

Личная охрана Ленина состояла из двух человек. После того как его ранила Каплан, число телохранителей было увеличено вдвое. Когда же к власти пришел Сталин, он создал для себя охрану, насчитывающую несколько тысяч секретных сотрудников, не считая специальных воинских подразделений, которые постоянно находились поблизости в состоянии полной боевой готовности. Такую могучую охрану организовал для Сталина Паукер. Только дорогу от Кремля до сталинской загородной резиденции, длиной тридцать пять километров, охраняли более трех тысяч агентов и автомобильные патрули, к услугам которых была сложная система сигналов и полевых телефонов.

Эта многочисленная агентура была рассредоточена вдоль всего сталинского маршрута, в подъездах домов, в кустарнике, за деревьями. Достаточно было постороннему автомобилю задержаться хоть на минуту — и его немедленно окружали агенты, проверявшие документы водителя, пассажиров и цель поездки. Когда же сталинская машина вылетала из кремлевских ворот — тут уж и вовсе весь тридцатипятикилометровый маршрут объявлялся как бы на военном положении. Рядом со Сталиным в машине всегда сидел Паукер в форме армейского командира.

Абрам Беленький был всего лишь начальником охраны Ленина и других членов правительства. Он почтительно соблюдал служебную дистанцию между собой и охраняемыми лицами. А Паукер сумел занять такое положение, что членам Политбюро приходилось считать его чуть ли не равным себе. Он сосредоточил в своих руках обеспечение их продуктами питания, одеждой, машинами, дачами; он не только удовлетворял их желания, но к тому же знал, как разжечь их. Для членов Политбюро он поставлял из-за рубежа последние модели автомобилей, породистых собак, редкие вина и радиоприемники, для их жен приобретал в Париже платья, шелковые ткани, духи и множество других вещиц, столь приятных женскому сердцу, их детям покупал дорогие игрушки. Паукер сделался чем-то вроде Деда Мороза, с той разницей, что он развозил подарки круглый год. Неудивительно, что он был любимцем жен и детей всех членов Политбюро.

Вскоре обитатели Кремля перестали смотреть на Паукера лишь как на безотказного поставщика удовольствий. С ним начали считаться как с человеком, который знаком с личной жизнью кремлевской верхушки и знает множество интимных деталей, способных подорвать престиж «вождей международного пролетариата». Например, Ворошилов, постоянно охраняемый людьми Паукера, не смог утаить от него, что его третья по счету вилла, которая только что возникла по мановению паукеровской волшебной палочки, предназначена для восходящей звезды балета С. А связь другого члена Политбюро с женой некоего инженера, которого тот отправил в соловецкий концлагерь? А покушение супруги очень влиятельного члена Политбюро на самоубийство? А бурные семейные скандалы, происходящие на глазах молодчиков Паукера, охраняющих эти семьи? Как бы ни пыжились члены Политбюро, как бы ни изображали из себя суперменов, им было известно, чего все это стоит в глазах Паукера.

Со Сталиным Паукер был даже более фамильярен, чем с прочими кремлевскими сановниками. Он изучил сталинские вкусы и научился угадывать его малейшие желания. Заметив, что Сталин поглощает огромные количества грубоватой русской селедки, Паукер начал заказывать из-за границы более изысканные сорта. Некоторые из них — так называемые «габельбиссен», немецкого посола — привели Сталина в восторг. Под эту закуску хорошо идет русская водка; Паукер и тут не ударил в грязь лицом — он сделался постоянным собутыльником вождя. Приметив, что Сталин обожает непристойные шутки и антисемитские анекдоты, он позаботился о том, чтобы всегда иметь для него наготове их свежий запас. Как шут и рассказчик анекдотов он был неподражаем. Сталин, по природе угрюмый и не расположенный к смеху, мог смеяться до упаду.

Паукер подсмотрел, как внимательно Сталин вглядывается в свое отражение в зеркале, поправляя прическу, как он любовно приглаживает усы,— и заключил, что хозяин далеко не равнодушен к собственной внешности и совсем не отличается в этом от обычных смертных. И Паукер взял на себя заботу о сталинском гардеробе. Он проявил в этой области редкую изобретательность. Подметив, что Сталин, желая казаться повыше ростом, предпочитает обувь на высоких каблуках, Паукер решил нарастить ему еще несколько сантиметров. Он изобрел для Сталина сапоги специального покроя с необычно высокими каблуками, частично спрятанными в задник. Натянув эти сапоги и став перед зеркалом, Сталин не скрыл удовольствия. Более того, он пошел еще дальше и велел Паукеру класть ему под ноги, когда он стоит на Мавзолее, небольшой деревянный брусок. В результате таких ухищрений многие, видевшие Сталина издали или на газетных фотографиях, считали, что он среднего роста. В действительности его рост составлял лишь около 163 сантиметров. Чтобы поддержать иллюзию, Паукер заказал для Сталина длинную шинель, доходившую до уровня каблуков.

Как бывший парикмахер Паукер взялся брить Сталина. До этого Сталин всегда выглядел плохо выбритым. Дело в том, что его лицо было покрыто оспинами и безопасная бритва, которой он привык пользоваться, оставляла мелкие волосяные островки, делавшие сталинскую физиономию еще более рябой. Не решаясь довериться бритве парикмахера, Сталин, видимо, примирился с этим недостатком. Однако Паукеру он полностью доверял. Таким образом, Паукер оказался первым человеком с бритвенным лезвием в руке, кому вождь отважился подставить свое горло.

Абсолютно все, что имело отношение к Сталину и его семье, проходило через руки Паукера. Без его ведома ни один кусок пищи не мог появиться на столе вождя. Без одобрения Паукера ни один человек не мог быть допущен в квартиру Сталина или на его загородную дачу. Паукер не имел права уйти от своих обязанностей ни на минуту, и только в полдень, доставив Сталина в его кремлевский кабинет, он должен был мчаться в Оперативное управление ОГПУ доложить Менжинскому и Ягоде, как прошли сутки, и поделиться с приятелями последними кремлевскими новостями и сплетнями.

Паукер был очень разговорчив. Когда бы и где бы я ни натолкнулся на него, он неизменно с упоением рассказывал собеседникам, что происходит *там*, на заветном Олимпе.

— Я из-за него поседел! — жаловался как-то Паукер своему заместителю Воловичу.— Это большое несчастье — иметь такого сына!

— А я и не знал, что у тебя есть сын,— сказал я, удивленный его словами.

— Да нет, я говорю о старшем сыне *хозяина*,— пояснил он.— За ним по пятам ходят четверо агентов, но это нисколько не помогает. Кончится тем, что хозяин велит его посадить!

Паукер говорил о Якове Джугашвили, сыне Сталина от первого брака. Сталин ненавидел сына, тот платил ему тем же.

Выполняя самые деликатные сталинские поручения, Паукер постепенно стал едва ли не членом его семьи. Правда, Надежда Аллилуева относилась к нему холодно и сдержанно. Зато дети Сталина, Василий и Светлана, души в нем не чаяли.

В 1932 или 1933 году произошел небольшой инцидент, в результате которого открылось тайное сталинское пристрастие и в то же время особо деликатный характер некоторых поручений, исполняемых Паукером. Дело было так. В Москву приехал из Праги чехословацкий резидент НКВД Смирнов (Глинский). Выслушав его служебный доклад, Слуцкий попросил его зайти к Паукеру, у которого имеется какое-то поручение, связанное с Чехословакией. Паукер предупредил Смирнова, что разговор должен остаться строго между ними. Он буквально ошарашил своего собеседника, вынув из сейфа и раскрыв перед ним альбом порнографических рисунков. Видя изумление Смирнова, Паукер сказал, что эти рисунки выполнены известным дореволюционным художником С. У русских эмигрантов, проживающих в Чехословакии, должны найтись другие рисунки подобного рода, выполненные тем же художником. Необходимо скупить по возможности все такие произведения С., но обязательно через посредников и таким образом, чтобы никто не смог догадаться, что они предназначены для советского посольства. «Денег на это не жалейте»,— добавил Паукер.

Смирнов, выросший в семье ссыльных революционеров, вступивший в партию еще в царское время, был неприятно поражен тем, что Паукер позволяет себе обращаться к нему с таким заданием, и отказался его выполнять. Крайне возмущенный, он рассказал об этом эпизоде нескольким друзьям. Однако Слуцкий быстро погасил его негодование, предупредив еще раз, чтобы Смирнов держал язык за зубами: рисунки приобретаются для самого *хозяина*! В тот же день Смирнов был вызван к заместителю наркома внутренних дел Агранову, который с нажимом повторил тот же совет. Значительно позднее старый приятель Ягоды Александр Шанин, чьим заместителем я был назначен в 1936 году, рассказал мне, что Паукер скупает для Сталина подобные произведения во многих странах Запада и Востока.

За верную службу Сталин щедро вознаграждал своего незаменимого помощника. Он подарил ему две машины — лимузин «кадиллак»

и открытый «линкольн» — и наградил его целыми шестью орденами, в том числе орденом Ленина. Но существование Паукера трудно было назвать счастливым. Он часто плакался друзьям, что у него нет личной жизни и вообще он никогда не располагает собой. Что верно, то верно. Когда бы он ни понадобился Сталину — а это могло случиться в любое время суток,— он должен был оказаться на месте или, во всяком случае, где-то поблизости. Что бы ни происходило в Москве — железнодорожная катастрофа или пожар, внезапная смерть члена правительства или оползень при прокладке туннеля метро,— люди Паукера должны были первыми прибыть на место происшествия, а от самого Паукера требовалось немедленно и точно, со всеми подробностями доложить Сталину, что случилось.

Однако жизнь, которую вел Паукер, имела, на его взгляд, и светлые стороны. Существовали удовольствия, которые только он мог позволить себе. Так, у него было особое пристрастие к военной форме, забавлявшее его приятелей и вызывающее немало насмешек. Во время военных парадов на Красной площади Паукер выглядел опереточным персонажем. Затянутый в корсет, скрывавший его круглое брюшко, он стоял на ступеньках Мавзолея в ядовито-синих галифе и сияющих сапогах из лакированной кожи, наподобие тех, какие в царское время носили полицейские.

Когда же разряженный Паукер катил по Москве в своем открытом автомобиле, беспрерывно сигналя особым клаксоном, милиционеры перекрывали движение и застывали навытяжку. Виновник переполоха, преисполненный сознанием важности своей персоны, пытался придать своей незначительной физиономии суровое выражение и грозно таращил глаза.

Еще одной слабостью Паукера был театр. Когда удавалось выкроить свободный часок, он появлялся в своей персональной ложе в оперном театре, а в антракте проходил за кулисы, встречаемый аплодисментами актеров. Должно быть, только в такие минуты Паукеру могло прийти в голову, каким в сущности фантастичным оказался его жизненный путь — от незаметного парикмахера будапештской оперетты до высокопоставленного сталинского сановника, чьей благосклонности домогаются все московские театральные знаменитости.

Как-то вечером, сидя с Паукером за бутылкой, Сталин получил от наркома иностранных дел сообщение, что Чан Кайши начал массовые аресты китайских коммунистов и что китайские власти произвели обыск советского посольства в Пекине (дело происходило в 1927 году). Эти акции были вызваны близорукой политикой, проводившейся Сталиным в отношении Китая, и его лицемерным заигрыванием с Гоминьданом. Сталин был взбешен «двурушничеством» Чан Кайши и приказал Паукеру арестовать всех китайцев, проживающих в Москве.

— А как быть с китайским посольством? — поинтересовался Паукер.

— За исключением посольских, забирай любого китайца! — уточнил Сталин.— К утру все до одного московские китайцы должны сидеть!

Паукер пустился исполнять приказ. Он мобилизовал всех сотрудников ОГПУ, кого только мог найти, и трудился ночь напролет, хватая любого китайца, попадавшегося в руки, начиная с владельцев прачечных и кончая старым профессором, преподававшим китайский язык в Военной академии.

Наутро Паукер предстал перед Сталиным с докладом о том, что приказ выполнен. За завтраком он веселил Сталина, пересказывая ему

смешные эпизоды, которыми сопровождалась операция. При этом комично изображал испуг захваченных врасплох китайцев, имитируя их забавное произношение.

Спустя несколько часов, когда утомившийся Паукер спал в своем кабинете в ОГПУ, личный секретарь Сталина поднял его с постели телефонным звонком и сообщил, что хозяин немедленно хочет его видеть. При этом секретарь доверительно предупредил, что хозяин не в духе.

Как оказалось, один из руководителей Коминтерна, если не ошибаюсь, Пятницкий, позвонил в сталинский секретариат и спросил, известно ли Сталину, что этой ночью арестованы все китайцы, работающие в Коминтерне, и студенты китайской национальности, обучающиеся в Коммунистическом университете трудящихся Востока.

— Значит, ты всех китайцев арестовал? — спросил Сталин, едва Паукер вошел к нему в кабинет.

Подозревая, что случилось неладное, и не догадываясь, в чем дело, Паукер ответил, что старался не упустить ни одного.

— Ты в этом уверен? — зловеще допытывался Сталин.

Паукер подтвердил:

— Да, уверен.

— А этих из Коминтерна... и китайских студентов? Ты тоже забрал?

— Ну, конечно, Иосиф Виссарионович! — воскликнул Паукер.— Я забирал их прямо из постели...

Не успел Паукер окончить фразу, как почувствовал сильный удар по лицу.

— Дурак! — выкрикнул Сталин.— Отпусти их немедленно!

Паукер выскочил как ошпаренный.

После этого инцидента Сталину пришлось задуматься, как быть дальше с Паукером. Как правило, Сталин обращался с личной охраной вежливо и корректно, зная, что обиженный охранник, имеющий доступ к его персоне, может представлять большую опасность. Паукер как начальник всей охраны опасен вдвойне. Стоит ли полагаться на него по-прежнему после всего, что произошло? Рассуждая логически, Паукера надо бы сменить. Но Сталин так привык к его услугам и его обществу, так к нему расположен, что расстаться с ним будет очень трудно. Конечно, если Паукер остается на своей должности, то первым делом необходимо загладить обиду, нанесенную ему этой неожиданной пощечиной.

Освободив всех китайских коммунистов, Паукер возвратился в свой кабинет в ОГПУ и просидел там до ночи, не зная, ехать ли ему в Кремль, чтобы проводить Сталина на загородную дачу, или ждать, пока Сталин сам его вызовет. Похоже, что его положение сильно пошатнулось.

В час ночи на столе у Паукера зазвонил кремлевский телефон. В трубке мягко журчал необычно любезный голос Сталина: хозяин удивлялся, почему Паукер не заезжает за ним. Счастливый Паукер полетел в Кремль.

Секретари Сталина встретили его игривыми улыбками и громкими поздравлениями. «В чем дело?» — «Узнаете у хозяина!»

Сталин подал вошедшему Паукеру коробочку, в которой лежал орден Красного Знамени, и, пожимая ему руку, вручил также копию указа ЦИКа, гласившего, что Паукер награждается «за образцовое выполнение важного задания». Работники ОГПУ злословили по этому поводу, что Паукеру полагалось бы носить орден не на груди, а на пострадавшей щеке.

2

Паукер был очень экспансивным человеком, и ему трудно бывало удержаться и не рассказать приятелям тот или иной эпизод из жизни хозяина. Мне казалось, что Паукеру, вероятно, даже не приходит в голову, что вещи, которые он рассказывает, дискредитируют его патрона. Он так слепо обожал Сталина, что уверовал в его неограниченную власть, что даже не сознавал, как выглядят сталинские поступки, если подходить к ним с обычными человеческими мерками.

Истории, которые Паукер рассказывал про Сталина, можно разделить на три группы. Во-первых, истории о его жестокости, под рубрикой «О, когда он выйдет из себя!..»; во-вторых, о его политических интригах — «А как он обвел их вокруг пальца!..»; в-третьих, о том, как он ценит Паукера,— «Отличная работа, Паукер!..».

Мне довелось слышать множество таких историй; перескажу пару наиболее характерных.

В первой половине июня 1932 года Сталин в сопровождении Паукера и многочисленной личной охраны прибыл на отдых в свою резиденцию на Черноморском побережье, недалеко от Сочи. Паукер оставался при нем несколько дней, а затем был послан в Гагры осмотреть новую виллу, выстроенную по приказу Берии в качестве подарка Сталину от Грузинской республики. Там Паукеру пришлось заночевать. По возвращении в Сочи он узнал об эпизоде, который произошел в его отсутствие и был им зачислен в разряд историй «О, когда он выйдет из себя!».

Этой ночью Сталин проснулся оттого, что где-то поблизости выла собака. Встав с постели и подойдя к окну, он спросил: «Что за собака там воет, спать не дает?» Охранники, дежурившие снаружи, отвечали, что это собака с соседней дачи. «Разыщите ее и пристрелите, она мешает мне спать!» — грубо приказал Сталин и захлопнул окно. Наутро он встал в хорошем настроении и принялся за завтрак, но за столом вспомнил о злополучной собаке и спросил старшего охранника:

— Пристрелили собаку?

— Собака ушла, Иосиф Виссарионович,— ответил охранник.

— Вы пристрелили собаку? — повторил Сталин.

— Собаку увели в Гагры,— сказал охранник и пояснил, что это была овчарка, специально обученная водить слепого. Ее привез из Германии сотрудник наркомата земледелия, и теперь она служит проводником его слепому отцу, старому большевику. Старик с собакой уже удалены отсюда.

Сталин рвал и метал. «Сейчас же верните их сюда!» — крикнул он в бешенстве. Испуганный охранник тут же связался по телефону с пограничным постом ОГПУ по дороге на Гагры, и старик с собакой были доставлены в сталинскую резиденцию. Сталин, которому доложили об этом, вышел в сад. Неподалеку действительно стоял слепой старик, держа собаку на поводке.

— Приказы даются, чтобы их выполнять,— заметил Сталин.— Отведите собаку подальше и пристрелите ее!..

Охранники хотели тут же забрать собаку, но она ощетинилась и зарычала. Им пришлось потребовать, чтобы старик пошел с ними,— тогда пошла и она. Сталин не уходил в дом, пока из дальнего конца сада не донеслись два выстрела.

Другой характерный эпизод, тоже неоднократно повторяемый Паукером со всеми подробностями, относится все к той же серии «О, когда он выйдет из себя!».

Однажды, проводя отпуск в Сочи, Сталин совершил небольшую поездку вдоль побережья на юг, в направлении Батуми, и на несколько дней задержался в одной из правительственных резиденций, где грузинские власти устроили в его честь банкет. Среди многочисленных национальных блюд было подано какое-то особенное — мелкая рыбешка, которую грузинские повара варят, бросая живьем в кипящее масло. Как знаток грузинской кухни Сталин похвалил это блюдо, но тут же со вздохом заметил, что вот такие-то и такие сорта рыб, приготовленные так-то и так, несравненно вкуснее.

Паукер, радуясь, что представляется еще один случай угодить Сталину, немедля заявил, что завтра же это блюдо будет на столе. Однако один из гостей, завзятый рыболов, возразил, что едва ли это получится, потому что этот вид рыб в это время года скрывается на дне озер и не показывается на поверхности.

— Чекисты должны уметь достать все и вся, даже со дна,— поощрительно откликнулся Сталин.

Эта фраза прозвучала как вызов профессиональной смекалке чекистов, и ближайшей ночью группа сталинских охранников с несколькими грузинами-проводниками отправилась в горы, где было озеро, кишащее рыбой. Они волокли с собой ящик ручных гранат. На рассвете соседнюю с озером деревню разбудил грохот взрывов. Жители деревни бросились к озеру, бывшему единственным источником их пропитания, и увидели, что его поверхность покрыта тысячами мертвых и оглушенных рыб. Люди Паукера с лодок и с берега вглядывались в воду, высматривая нужную им рыбешку.

Население деревни запротестовало и потребовало, чтобы грабители убирались подобру-поздорову. Но чекисты, не обращая на это внимания, продолжали глушить рыбу гранатами. Чтобы защитить свою собственность, деревенские жители набросились на незваных гостей, рассыпавшихся вдоль берега. Некоторые сбегали в деревню и вернулись с вилами и охотничьими ружьями. Впрочем, до перестрелки дело не дошло. После короткой стычки, в которой с деревенской стороны участвовали в основном женщины, чекисты отправились восвояси.

Вернувшиеся на виллу охранники выглядели довольно жалко: у одного было расцарапано лицо, у другого заплыл глаз, кому-то оторвали рукав. В корзине с рыбой нашлось всего пара рыбок того сорта, какой нравился Сталину...

Узнав о том, что произошло, Сталин приказал грузинским «органам» арестовать всех жителей деревни, за исключением детей и дряхлых стариков, и сослать их в Казахстан за «антиправительственный мятеж».

— Мы им покажем, чье это озеро! — злорадно произнес «отец народов».

3

В подготовке московских процессов Паукер не участвовал. Охрана Сталина и других членов Политбюро считалась гораздо более важным делом. Но полагая, что сотрудники НКВД, причастные к процессам, получат ордена, Паукер решил внести и свою лепту и таким образом тоже заслужить орден. Он вызвался лично произвести арест некоторых бывших оппозиционеров.

Летом 1937 года, когда большинство руководителей НКВД уже было арестовано, в парижском кафе я случайно встретил одного тайного агента Иностранного управления. Это был некий Г.— венгр по национальности, старый приятель Паукера. Я считал, что он только

что прибыл из Москвы и хотел узнать последние новости о тамошних арестах. Присел к его столику.

— Как там Паукер, с ним все в порядке? — осведомился я в шутку, будучи абсолютно уверен, что аресты никак не могут коснуться Паукера.

— Да как вы можете! — оскорбился венгр, возмущенный до глубины души.— Паукер для Сталина значит больше, чем вы думаете. Он Сталину ближе, чем друг... ближе брата!..

Г., кстати, рассказал мне о таком эпизоде. 20 декабря 1936 года, в годовщину основания ВЧК — ОГПУ — НКВД Сталин устроил для руководителей этого ведомства небольшой банкет, пригласив на него Ежова, Фриновского, Паукера и нескольких других чекистов. Когда присутствующие основательно выпили, Паукер показал Сталину импровизированное представление. Поддерживаемый под руки двумя коллегами, игравшими роль тюремных охранников, Паукер изображал Зиновьева, которого ведут в подвал расстреливать. «Зиновьев» беспомощно висел на плечах «охранников» и, волоча ноги, жалобно скулил, испуганно поводя глазами. Посередине комнаты «Зиновьев» упал на колени и, обхватив руками сапог одного из «охранников», в ужасе завопил: «Пожалуйста... ради Бога, товарищ... вызовите Иосифа Виссарионовича!»

Сталин следил за ходом представления, заливаясь смехом. Гости, видя, как ему нравится эта сцена, наперебой требовали, чтобы Паукер повторил ее. Паукер подчинился. На этот раз Сталин смеялся так неистово, что согнулся, хватаясь за живот. А когда Паукер ввел в свое представление новый эпизод и, вместо того чтобы падать на колени, выпрямился, простер руки к потолку и закричал: «Услышь меня, Израиль, наш Бог есть Бог единый!» — Сталин не мог больше выдержать и, захлебываясь смехом, начал делать Паукеру знаки прекратить представление.

В июле 1937 года к нам за границу дошли слухи, будто Паукер снят с должности начальника сталинской охраны. В конце года я узнал, что сменено руководство всей охраны Кремля. Тогда мне еще представлялось, что Сталин пощадит Паукера, который не только пришелся ему по нраву, но и успешно оберегал его жизнь целых пятнадцать лет. Однако и на этот раз не стоило ждать от Сталина проявления человеческих чувств. Когда в марте 1938 года, давая показания на третьем московском процессе, Ягода сказал, что Паукер был немецким шпионом, я понял, что Паукера уже нет в живых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 9 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 1. Осока. 6. Самарский. 9. Кремень. 10. Анафора. 13. Премьер. 15. Сенокос. 17. Неверов. 19. Сосюра. 20. «Костер». 21. Полимер. 22. Огород. 24. Ростра. 26. Гобелен. 28 Пирогов. 29. Наварра. 30. Примула. 32. Критика. 33. Телепатия. 34. Волан.
По вертикали: 2. Сталь. 3. Каска. 4. Манекен. 5. Писарев. 7. Геоморфология. 8. Кокономотание. 9. Керес. 11. Апорт. 12. Президент. 14. Реполов. 15. Соверен. 16. «Исход». 18. Орган. 23. Олимп. 25. Торба. 26. Голубев. 27. Нагибин. 31. «Алеко». 32. Коала.

Н. Шкаровская «КАРТИНКИ НАРОДНОГО БЫТА» (окончание)

За 11 лет — с 1960 по 1971-й, год смерти, работая с раннего утра до позднего вечера (с переломанным позвоночником и выбитым бедром), Никифоров нарисовал сотни картинок. Художник создал собственную систему очень кропотливой работы. Для раскраски он копировал свой рисунок. Сначала набрасывал всю композицию на белом листе бумаги. Потом переворачивал его и заштриховывал всю плоскость. Снова подкладывал чистый лист и тонким карандашом прорисовывал свой набросок. И уже такую «заготовку», без карандашных штрихов наброска, раскрашивал. Никифоров был наделен даром цвета. Его краски привлекают чистотой, праздничностью. Их сочетание создает в некоторых произведениях красочную полифонию, например «Свадьба». В других — передает настроение момента: «В окопах первой мировой войны», «Казнь Степана Разина», «Первое мая 18 года на Красной площади», «Троицын день». В этих картинках толпа — не просто масса неподвижных людей. Здесь чувствуется хоровое начало, где каждая фигурка имеет свой «голос», выражена позой, костюмом, прической.

Никифоров не искал славы и даже не думал о ней. Но признание пришло еще при жизни, когда подмосковный художник-график В. И. Андрушкевич показал его картинки на выставке в районном Доме культуры. Потом — в редакциях газет и журналов, посмертно в Доме литераторов в Москве и в других выставочных залах. О Никифорове написано много статей, снят фильм «Поздний восход» (режиссер В. Орехов), его имя вошло во «Всемирную энциклопедию наивного искусства» (Белград, 1984). Уже в этом, 1989 году состоялась большая монографическая выставка в залах Союза художников РСФСР.

К сожалению, далеко не все понимают, но многие хотят понять феномен, загадку серьезной изобразительной «игры» художников-примитивистов, где мало умения, но много художественной образности, добра и правды. Помочь в этом мог бы специализированный музей, но...

Музеи самодеятельного творчества любителей есть в разных республиках, но нигде в нашей стране нет музея наивного, фольклорного творчества, которые созданы уже в большинстве стран. Произведения Никифорова, других талантливых национальных художников, пока еще можно собрать их работы, стали бы основой открытия такого музея или галереи народной живописи в Москве.